попаданец
Артем Еремеев
БЕЗУМНЫЙ АЛХИМИК

Артем Еремеев

Безумный алхимик

«АСТ»
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Еремеев А.

Безумный алхимик / А. Еремеев — «АСТ», 2016 — (Безумный алхимик)

ISBN 978-5-17-096287-7

Ну ты и попал… Ничего не знаешь, не умеешь, а тем не менее этот мир полон опасностей, диких животных и магических существ, эльфов и гномов.Шансы на возвращение призрачны, и тебе придётся научиться выживать здесь, защищая не только свою жизнь. Но ты и представить себе не можешь, чем все обернётся.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096287-7

© Еремеев А., 2016
© АСТ, 2016

Артем Еремеев
Безумный алхимик
Роман

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Артем Еремеев, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Зачем я полез на этот карниз?! Нееееееттт. Аааааааа… мне конец… все… земля близко… удар…хрясь… я умер… Темнота…

– Я жив? Темно… больно… дышать – хочу дышать.

Живительный вздох раздается в пустом зале впервые за долгое, очень долгое время.

Как же все болит. Я хоть жив или уже умер? Хотя нет, если умер, то тело бы так не болело, а раз чувствую тело, значит, еще жив. А кто я? Ага, это я помню. Андрей, двадцать два года, работаю на стройке, не был, не привлекался, в связях, порочащих его – был, но не замечен.

Я попробовал пошевелиться, с трудом, но тело откликнулось, руки… ноги… голова… лицо.

– Аappp. – Лицо стягивает неприятная маска, она в носу, в ушах, на глазах – бррrp. Осторожно касаюсь ее пальцами, как будто корка, засохшая и уже потрескавшаяся. Корка на глазах была гораздо неприятнее, с век отходит просто, но на ресницах и бровях – блин, да отдирайся же ты наконец, сволочь, – ресницы слиплись и никак не поддавались. Идея! – плюю на пальцы и размазываю слюну по слипшимся глазам. Вроде размочило, несколько раз моргаю, веки медленно разлепляются еще немного и… вижу…

Медленно сажусь, опираясь на руки: ах ты, зараза, блуээээ кха кха блюуэээээ. Ммдааа, и себя, похоже, заблевал, наверняка сотрясение. Где я?.. Сижу абсолютно голый в куче собственного дерьма, на куче прелых листьев, земли и прочего мусора, в бледном свете то ли луны, то ли фонаря, явно в какой-то комнате. Стен не вижу, но чувствую ограниченность пространства.

Снова ощупываю маску на лице, с подбородка не снять, в бороденку влипла, уши проковырял как смог, и голова стала меньше кружиться. Проковырял и прочистил сопелки, дышать стало легче. Втянул воздух и закашлялся, воздух вонял рвотой, дерьмом и тлением. От этих миазмов меня опять стошнило, успел лишь повернуться, чтобы не заблевать снова ноги. Откинувшись на руки, я, стараясь дышать ртом, привыкал к новым ощущениям. Попытка покричать и позвать кого-нибудь закончилась мучительным кашлем, я не смог выдавить ни звука.

Однако голова вроде успокоилась и сознание прояснилось. Какого хрена тут происходит?.. Меня куда?.. Это чего?.. Ворох мыслей галопом проносится в моей ушибленной головушке. Меня что, эти дебилы, джам-шуты, в канализацию сбросили? Ну, с-с-суки, выберусь, в бетон залью всех! Сначала в гудрон, потом в бетон!

Мало-помалу глаза начали привыкать к лунному, но всё же яркому свету. Да и звёзды вон светят. Я медленно приподнялся, перевернулся и на четвереньках стал отползать от разворошённой смердящей кучи. Сразу встать не получилось, голова кружилась не по-детски. Так на карачках я дополз до стенки, попутно отметив, что пол-то не простой, а мозаичный. Прислонившись спиной к стене, я отключился.

Очнулся, резко вздрогнув, и сразу прикрыл глаза рукой. Яркий столб дневного света бил из дыры, зияющей в потолке круглого помещения. Зал примерно пятнадцать метров от стены до стены, в нем царило запустение и разруха, какие-то кучи мусора и обломков разбросаны вдоль стен. Сами стены облупленные, местами обожженные, местами с вывороченной корнями деревьев кладкой, плавно перетекали в потолок. Паутина, покрытая пылью от осыпавшейся штукатурки, широкими лоскутами свисала почти до пола. В центре, под дырой, куча земли и прелых листьев, в которую я и приземлился.

Подняться получилось с первого раза, даже легко как-то, только координация по-прежнему сбоила, и меня шатало и мотало во все стороны. Аккуратненько по стеночке, шаг за шагом я принялся обходить свой склеп. Решил его называть пока так, потому что мраморные мозаичные полы в канализации не кладут, а метро у нас в городе и окрестностях отродясь не было. Наверху на высоте двух моих ростов, а я 183 сантиметра, зияла дыра. Из нее торчали какие-то палки, ветки, слышался шум ветра в кронах деревьев и редкие трели птиц, и все – ни тебе гудков, ни сирен, ни многоголосого городского гула.

Я закончил соскребать спекшуюся корку крови с лица, мда-а-а, натекло кровищи с меня внушительно. Однако не могло не радовать и очень сильно удивляло, что кроме сотрясения и кровопотери никаких других серьезных травм у меня не наблюдается. А ведь я свалился с одиннадцатого этажа на усыпанную строительным мусором и укатанную сотнями грузовиков площадку.

Поначалу я снова хотел покричать, позвать людей на помощь, но передумал. Во-первых, все еще получалось только сипеть и кашлять. Во-вторых, закрался червячок опаски, вдруг эти «спасатели» решат, что проще меня добить, чем оправдываться, почему спрятали тело. Вот только самому наверх не вылезти – высоко.

В противоположных концах зала находились двери. Дальние были распахнуты. Одна из створок валялась уже на полу, а другая, сорванная с верхней петли, была прислонена к стене. В проеме торчал здоровенный каменюга, видимо, когда-то выбивший эти двери и застрявший намертво, перегородив вход. Мда, значит, ни руками, ни даже лопатой, будь она у меня, прорыть выход наружу не светит.

Доковыляв до второй двери и поминутно морщась от неприятных ощущений то в голове, то в ж*пе, я схватился за здоровенную ручку из красноватого металла и потянул на себя. Хрясь, и ручка осталась у меня в руке, а за дверью с эхом звякнула вторая половина. Со злости пнул ногой в дверь – гулко бухнуло, нога впечаталась и оставила четкий след. Дерево напоминало мокрый картон. Легонько подсадив плечом, я надавил на сминающиеся створки и протолкнул их внутрь следующего помещения. Пахнуло сыростью и холодом, остатки двери сорвались с петель и тяжело шлепнувшись, стали сползать по лестнице вниз, в темноту.

– И что теперь, туда, в эту темень? – просипел я, спрашивая сам себя.

– Ладно, спущусь, может хоть воды найду, отмоюсь. – И, перехватив поудобнее дверную ручку, я, по-прежнему по стеночке, зашагал вниз. Поминутно прислушиваясь, принюхиваясь и присматриваясь, стал спускался все глубже в темноту. Стены лестницы, как и ступеньки, были шершавыми и влажными, но ни под рукой, ни под ногами самой воды не было, лишь знакомо пахло мокрым бетоном. Насчитав полсотни ступенек, я присел передохнуть. Глаза уже привыкли к темноте, и стало казаться, что внизу виднеется бледное свечение. Отдохнув минут десять, я продолжил спуск, ощупывая сначала каждую ступеньку, потом через одну, как вдруг осознал, что вполне различаю очертания лестницы. Света действительно прибавилось, и виной тому был мох, росший через равные промежутки на потолке. Он слабо светился, как куски фосфора, давая такой же бледно-зеленый свет.

– Странное место и мох светится! Надо бы сваливать отсюда побыстрее, мало ли от радиации или какой ядреной химии он так начал светиться. Вырастет потом третий глаз и совсем не обязательно, что на лбу.

Я ускорился, благо стало светлее, отмахав еще полсотни ступеней, оказался перед разбитыми дверями, от которых одни рамы остались. По бокам дверей стояли скульптуры, в которых теперь лишь угадывались людские очертания. Безголовые, с обрубками рук и облепленные мхом, они стояли как стражи подземелья. Пройдя мимо статуй, я заглянул сквозь останки двустворчатых дверей… Ничегосебеееееее…

Огромное помещение, похожее на школьный спортзал, было густо залито бледно-зеленым светом. Он лился с потолка, в центре которого мох свисал большими гроздьями на манер люстры и, далее растекаясь по всему потолку, сползал на стены. На полу под слоем грязи проступал рисунок карты. Внутри все похолодело, мозг лихорадочно подбирал варианты, в какое место я вляпался, как глубоко и чем мне это грозит?

– Так, дышим глубоко и медленно… нет, а что если я надышусь, или уже надышался и теперь сам начну светиться? – запаниковал я.

В этот момент мой живот издал громкое урчание, разнесшееся по залу, как мне показалось, подобно раскату грома. Я схватился за него, стараясь заглушить, но второе урчание получилось еще громче.

– Как жрать-то хочется! Что же делать?

Заглядываю снова в зал, ничего не изменилось, мох висит, светится и не шевелится, – Да шевелится, как же, так и до паранойи недалеко, однако, может, проверить? Дверная ручка-то все еще в руке.

Размахнувшись, запускаю ручку в потолок, и, уже отпустив снаряд, меня бьет мысль – мхи размножаются спорами! Провожаю взглядом дверную ручку. Она влетает в светящийся ковер и, мягко отскочив от него, с громким звоном падает на пол. Поспешно ныряю обратно к лестнице, кляня себя за тупость, и, вскарабкавшись на десяток ступеней, замираю прислушиваясь. Сижу и вспоминаю полет ручки, вроде спор не заметил, такая масса должна целое облако выдать. Все тихо, никто не пришел проверить причину громких звуков, и я, подождав еще минут пять, осторожно выглядываю в зал. Ни облаков спор, ни розовых тантаклей не видно. Пробираюсь в зал и медленно по стеночке начинаю обход-осмотр.

По периметру зала десяток дверей разных размеров, парочка на дальней стене даже похожи на гаражные раздвижные. Остальные явно деревянные и по виду как из средневековья, мощные и тяжелые, некоторые даже обиты полосками металла. Часть просто распахнуты, часть вырваны и как будто даже погрызены и прожжены. Подкрадываюсь к первой – закрыта, подергав туда-сюда за небольшую рукоятку отмечаю, что хоть вокруг и сыро, эта дверь не прокисла и вполне себе держится. Продолжаю обход, вторая дверь нараспашку. Внутри все тот же шершавый коридор, который спустя пару метров обрывается завалом до потолка – облом. Следующая дверь отсутствует, а проем ведет куда-то еще глубже, и веет оттуда просто могильным холодом, я поеживаюсь – не, нафиг, голым туда соваться себе дороже. Последняя слева дверь закрыта, тяну ее за ручку, и после небольшого усилия она отзывается противным скрипом и медленно открывается. Внутри также сыро, но не холодно, войдя, я оказываюсь в просторном помещении, в центре которого возвышается стол. Монолитная столешня, метров пять длиной и два шириной хоть и треснула местами, но толщиной сантиметров в двадцать, внушает уважение – прям зал собраний и совещаний. На потолке все тот же светящийся мох, так что света хватает. Во главе стола что-то похожее на каменный трон, только спинка отбита, а вот она валяется сзади аж у стены.

– А вот это уже нехорошо. – бормочу я себе под нос.

У подножия трона под столом лежит куча мусора, из которой явно торчат чьи-то кости. Оглядевшись, я замечаю какую-то гнутую железяку, похожую на рессору. Выдрав ее из стены,

ворошу кучку с костями. Это точно кости, и, судя по всему, человека. Вон тазовая, а эти длинные, наверняка бедренные, и еще кучка позвонков.

– Маловато, а где остальное?

В этом хламе из обвалившейся со стен штукатурки, деревянных и железных, ржавых, обломков уже ничего не понять, а ковыряться в нем желания никакого. Однако странно, что нигде нет стекла или пластика, они же не гниют.

Развернувшись, замечаю, что над аркой входа висит барельеф из завитушек по краям и фигурками людей ближе к центру. А в нем торчит топор, не похожий на пожарный или туристический, грозное боевое оружие. Широкое лезвие разбило на части каменное художество и застряло в щели. Рукоятка высоко торчит, не допрыгнуть, метра три, не меньше. А если железякой сбить?

Отойдя к столу, я примерился и метнул, как городошную биту, железяку. Хрен там, с лязгом грохнув о камни и лишь слегка их пошевелив, она звякнула об пол – промазал. Решив не выпендриваться и взяв железку уже в обе руки за концы, я, встав под точащим топорищем, плашмя метнул железяку вверх.

– Ах тыж ляяя, – едва успеваю отпрыгнуть. Сверху начинают валиться здоровенные куски барельефа вместе с топором и метательной железякой. Грохот, пылища клубами, дышать нечем. Отбегаю подальше в угол комнаты, чувствую, как под ногой что-то хрупает и в ногу впивается острое. Челюсть, нижняя, часть зубов впилась мне в пятку, ладно не до крови, А вот и черепушка почти утонула в каменной крошке и пыли.

– Далеко же ты от задницы оказался.

С таким мертвецом даже не страшно. Скелет, видно, ровесник этого строения, и сколько ему: сто или тысяча лет, кто знает?

– Надо же, – восхищаюсь я, – зубы все целые и белые.

Пока я рассматривал череп, пыль у входа осела, и я отправился подбирать мой приз. Удобная рукоятка как влитая легла в ладонь приятная тяжесть навалилась на руки. Необыкновенный восторг от обладания боевого холодного оружия заставил растянуться губы в ухмылке. Топор мне нравился, длинная рукоять топорища из гладкого металла, оплетенная кожаными лентами. Широкое, полукруглое лезвие в четыре ладони. Сам обух венчал острый, слегка загнутый внутрь пик, выполненный в виде головы и клюва какой-то птицы. И весит не так чтобы много, можно и одной рукой махать.

– Ну все, хана вам, бомжи-людоеды и прочие упыри-слесари, – просипел я и гордо вскинул топор над головой. Ни дать ни взять – голозадый варвар. Хотя на чистокровного варвара я ни гривой волос, ни буграми мышц не тянул. Вдобавок рубанув на пробу воздух своим новым приобретением, я чуть было не отчекрыжил себе ногу. Кожаная обмотка рукояти высохла и рассыпалась в мелкое крошево, и теперь ее остатки болтались на топорище. Очистив об угол двери свой топорик и покрепче его ухватив, я вернулся в главный зал, где методично обшарил и заглянул во все малые двери, оставив большие на потом. Однако лишь еще одна дверь оказалась интересной. Остальные либо вели в тупики, заканчивающиеся обвалами, либо в абсолютно пустые помещения. Из которых как будто специально выгребли абсолютно все, оставив голые стены и мох на потолке.

В этой комнатке, за прожженной и порубленной дверью и узеньким извилистым коридорчиком, пол был просто усыпан битым стеклом. На стенах, в три ряда, в каменных нишах стояли остатки разбитых толстенных бутылей. А у дальней стены в переплетении трубок стоял угольно-черный постамент, сейчас пустой, и что на нем стояло раньше, можно было только гадать. Я решил наконец взяться за большие двери, благо инструмент теперь имелся. Правая дверь, покрытая ржавчиной, сначала не хотела поддаваться, тогда я, вставив клюв топора в щель, поднажал им, медленно, с душераздирающим скрипом и визгом дверь начала откатываться в сторону. Открыв ее на пару ладоней, я заглянул внутрь. Там, в узенькой полоске света

ржавела мешанина из перекрученных железных балок, сваренных листов железа и решеток от пола до потолка. Все это выглядело как баррикада. Тут было не пройти. Подойдя к левой двери, я решительно потянул за то, что как мне показалось было ручкой, и тут же шлепнулся на задницу. Створка, несмотря на ржавый и запущенный вид, откатилась очень легко. Воздух рванулся в открывшийся проход, а я, поднявшись и отряхивая отбитую задницу, последовал за ним. Через двадцать шагов проход обрывался балконом с остатками ограждения, а под ногами простиралась… Мория!!!

Огромная пещера с десятками колонн, подпирающих своды. Большинство колонн облеплял вездесущий мох, но некоторые участки тонули в непроглядной темноте. Я осторожно подошел к краю и глянул вниз.

– Ахренеть. – Внизу были еще больший бедлам и разруха. Вдоль стен стоят какие-то пузатые агрегаты, соединенные между собой кучей труб разного диаметра. Пол пещеры усеян разного рода обломками вперемешку с каменными глыбами, вероятно свалившимися с потолка. А между ними струится то ли ручеек, то ли маленькая речушка. Перекатываясь по камням, она весело журчит и бликует в бледном свете мха.

Вода-а-а-а!!! Сразу захотелось пить, а желудок в который раз утробным урчанием напомнил, что пора бы и пожрать.

Лестница была рядом, широкая и с каменными перилами. Я торопливо спустился и, наплевав на безопасность, чуть ли не бегом устремился к воде.

– Мммм, чистая, холодная, вкусная водичка, – нахлебавшись вдоволь, я умылся. Смыв наконец остатки запекшейся крови, я с удивлением обнаружил, что никаких ран на голове нет.

– Так откуда столько крови натекло?

Осторожно переступая на гладких камнях, вхожу в воду. Глубина небольшая, всего по колено.

– Однако холодно же зараза, – и задержав дыхание, я плюхаюсь в речку.

– Уаааааахххх, как же холодно, – быстро начинаю растирать отмокшие сухари, смывая остатки «приземления». Вместе с грязью вниз по течению уплывали страх, боль, головокружение и слабость. Выбравшись на берег, я принялся скакать, как кузнечик, приседать, бегать, отплясывать, лишь бы согреться. От купания в речке зуб на зуб не попадает, а вокруг ни огня добыть, ни одежки найти. И тут до меня доходит, я стал легче!

– Речка, что ли, радиоактивная? – Подпрыгиваю на месте и… нет еще не Джон Картер-марсианин, но вот так с места и выше головы…

– Вот оно, это не я стал легче, здесь сила тяжести ниже. А где это здесь? Другая планета? Похищение инопланетянами? – мысли одна бредовее другой вспыхивали в голове.

И в этот момент с другого берега послышался стук каблучков. Цок, цок, цок!!! Не может быть! Радостный вопль еще не успел покинуть горла, как его снова сжало вопящее чувство опасности.

– Откуда в этом невероятном ЗДЕСЬ взяться бабе на каблуках? Нет, нет, нет, надо спрятаться.

Подхватив топор, я завертел головой в поисках укрытия. Вот! – большой обломок скалы размером с грузовик, почти прямоугольный. Подскочив к нему с разбега и подпрыгнув, я со всего маха впечатался животом в верхний край – черт, не привык еще. Забравшись, наконец, на вершину, я улегся и стал ждать, каблучки приближались. Звук шагов становился все ближе.

Ну где же она? Ага, вон! Яркий огонек, как от сигареты, приближаясь, покачивался в такт шагов. Воображение рисовало образ длинноногой секретарши в очень короткой миниюбке с сигаретой на длиннющем мундштуке.

И тут на бережок вышла она! Оно?.. Он?.. Это что за хреновина такая? А-а-а? Ку… ку… куда меня того, а? Скелет, это ж, мать его, скелет, и живой!

К воде неторопливо подходил человеческий костяк. Он сухо щелкал по камням костяшками пяток. На мне зашевелились все волосы, с головы до ног. Жуть какая! Сердце забилось, готовое выпрыгнуть через горло. А в опустевшей голове мелькала лишь одна мысль: как он двигается-то, мышц же нету, ну нету мышц!!! Я, затаив дыхание, следил за этим чудом некромантии, жуткое и любопытное зрелище. Плечи нервно передернулись, и топор звякнул о камни. Реакция скелета была незамедлительна. Он резво развернулся, и на меня уставился тот самый огонек сигареты, горящий прямо у него в глазнице. Очень захотелось закричать, ну прямо очень. Однако скелет не торопился пересекать речку. Он стоял, пялился на меня, щелкал челюстями и изредка переминался с ноги на ногу, В следующее мгновение он резко присел и прыгнул. Ловко приземлившись, скелет быстро стал приближаться к моему убежищу.

Вот уже второй час я сижу в осаде. Наверх этот гад лезть не желает и продолжает наматывать круги вокруг меня. Осознав, наконец, что он не отстанет, а долго на камне я не протяну, решаюсь на активные действия. Когда скелет проходил мимо меня в очередной раз, я прыгнул не него, метя топором в голову.

Скелет дергается, и топор врубается в плечевой сустав. Треск костей – отрубленная рука падает на землю, рассыпаясь костяшками пальцев. А мне в голову прилетает костлявый кулак. Отскакиваю в сторону, разрывая дистанцию, но скелет не отстает. Он идет на меня, протягивая оставшуюся руку и сверкая глазом.

– Хорошо влепил, – морщусь я. Отступаю еще на пару шагов. Скелет все ближе. Бью плашмя по протянутой клешне, отбивая ее в сторону – раскрылся! Смещаюсь вбок и с размаху всаживаю топор ему в грудь. В стороны брызгают осколки ребер. Скелет отлетает назад и, гремя всеми костями, валится на землю. – Сдохни!

Не тут-то было. Повозившись, он снова поднимается и бросается на меня. Ныряю под прямой удар, направленный мне в голову. Ясно, скелет, конечно, быстрый, но тупой. Движения простые. Идет напролом, лишь бы дотянуться. Мой страх ушел. Уклонившись в очередной раз от атаки, я оказываюсь у скелета за спиной. И со всей силы рублю топором по позвоночнику. Срубил его, как молоденькое деревце, одним ударом. Все, что было ниже, развалилось на отдельные косточки. А верхняя половина, полежав, дернулась и опять устремилась ко мне. Он полз, как терминатор, загребая оставшейся рукой. Обломки ребер скрежетали по полу. Повернув топор клювом книзу, я с хеканьем опустил его на макушку противника. Череп раскололся, и скелет окончательно затих.

– Фуух, – я смахнул пот со лба. Мой первый в жизни бой закончился безоговорочной победой. Я присел над останками и принялся их осматривать. Обычные кости, ни проволочек, ни веревочек.

Как же эта штука двигалась? Злое колдунство, не иначе. Азарт боя прошел, и навалилась усталость. Болела ушибленная скула. Снова захотелось есть.

Рассиживаться здесь больше не имело смысла, и я двинулся вниз по течению.

Эта прогулка вымотала меня окончательно. Я порезал ногу о какой-то особо острый осколок и последний час хромал, опираясь на носок.

Когда же она кончится эта пещера, нарыли тут, понимаешь, метрополитен, блин. Речка все больше разливалась, пока не превратилась в озеро. Я старательно осмотрел его на предмет живности, все пусто даже водорослей нет. Противоположный берег озера терялся во тьме.

– Все, привал, – скомандовал я сам себе и, усевшись на камень побольше, принялся обозревать окрестности.

Мда, похоже, я здесь один, ну, по крайней мере, теперь. За последние время мне не встретилось ничего, кроме воды, камня и ржавых агрегатов непонятной конструкции и назначения. Жрать хотелось все сильнее и сильнее, желудок уже прилип к позвоночнику. Опять разболелась голова, и, кажется, поднялась температура. Меня начинало знобить. Оставалось надеяться, что это просто от холода, а не какая-то зараза, от которой я помру и останусь бродить тут на замену

упокоенного мной скелета. Я промыл рану на ноге, не глубокая, рассечена только кожа. Нашел сухой и гладкий участок пола и улегся, вытянув натруженные ноги. За время пути я заметил, что такие участки гораздо теплее. Пригревшись, я провалился в сон без сновидений.

Пробуждение было просто невыносимым, ломило все тело, голова раскалывалась. С трудом поднявшись, я добрел до воды и умылся, и тут вспомнил о ноге. Рана на пятке выглядела значительно лучше. Удивительно – края были сухие и чистые. Я ожидал как минимум воспаления.

Заросло как на собаке, подумалось мне. Отлив на огромную, метров пять в диаметре, колонну, я продолжил путь. Долго идти не пришлось, озеро примыкало к отвесной стене. Пещера кончилась. От отчаяния я швырнул топор в стену.

«Ну вот, теперь ищи его», – запоздало подумал я и поплелся в темень. Отыскав оружие, я двинулся вдоль стены прочь от озера. Несмотря на сгустившийся мрак, мох здесь не рос, шагалось легко. Вместо каменного пола под ногами лежал мягкий слой глины. Внезапно из темноты вынырнуло что-то круглое и большое. Я шарахнулся от стены, отбежав десяток шагов, обернулся и присмотрелся. Цистерны, похожие на железнодорожные, стоят вдоль стены, а между ними приютилась дверка, обитая железом и прикопанная глиной примерно до половины. Над ней как маяк во тьме, светился клочок мха.

– Ну хоть эта-то дверь выведет меня отсюда или нет? – пробурчал я.

Добравшись до двери, я с ходу принялся ее рубить и кромсать. Дерево, от времени и влаги ставшее похожим на пробку, отлетало большими кусками. Как только я пробил сквозную дыру, из нее послышался грохот падающей воды. Заглядываю внутрь – никого, лишь узкий, темный коридор. Доломав проклятую дверь, пролезаю внутрь.

– Темно, как у негра в ж… – Выставив топор перед собой и держась рукой за стену, осторожно побрел вперед. С каждым шагом грохот усиливался, пока наконец я не вывалился в очередную пещеру.

– Небо-о-о! Хвала богам, я выбрался!

Слева от меня в широком зеве прохода, куда устремлялась полноводная река, было видно черное небо с крапинками звезд. Подбежав к краю, вдыхаю полную грудь и зажмуриваюсь. После тяжелого, спертого воздуха подземелья одуряюще пахло лесом. В этом радостном порыве я чуть было не вывалился в ночь. В надежде вглядываюсь в горизонт, но городских огней не видать. Зато пропали последние сомнения, когда я увидел вторую луну. Она была раза в два больше своей товарки. Отползаю обратно, придется ждать утра. Вот только ждать снаружи было гораздо холоднее, а главное в воздухе висела туча комарья. Кормить их, когда самому есть нечего, было бы уже слишком. Напившись воды, чтобы хоть как-то заглушить голод, я вернулся обратно в подземелье. Остаток ночи прошел под грохот водопада и периодические вылазки посмотреть, не рассвело ли. И вот когда солнце наконец взошло, я смог рассмотреть этот мир.

Внизу все застилал густой туман, а передо мной, насколько хватало глаз, простиралось зеленое море леса. Обычного смешанного леса средней полосы, дубы и прочие елки, никаких тебе баобабов или пальм, как, впрочем, и никаких признаков жилья. Как мне ни хотелось поскорее вырваться из осточертевшей каменной ловушки, но время до полудня я провел, блуждая по берегу. Оказалось, что в глубине пещеры притулилась покосившаяся избушка, из нее в стену шли ржавые трубы и цепи. Попутно хлопая на себе крупных комаров, я тюкал топором по редким камням в надежде высечь искры. Пару раз мне это даже удалось, но этим все и закончилось. Видимо, тут было слишком сыро.

Тем временем туман рассеялся, и я смог рассмотреть подножие водопада. Быстро поняв, что спуститься с высоты третьего этажа по отвесной скале не удастся, я решился прыгать в воду. Водопад проделал внизу отличный бассейн, глубина вроде приличная и камней нет. Вот только куда девать топор? С ним не поплаваешь, привязать к себе нечем, а оставлять никак нельзя.

Подумав, решаюсь – подойдя поближе к обрыву, швыряю топор в сторону берега. Блеснув лезвием, он исчезает в кустах. Моя очередь. Наметив для себя траекторию, я отступил на пяток шагов, разбежался и с матерным воплем сиганул с обрыва.

– Пха-пха – ползком выбираюсь из воды, – чуть не утонул.

Я не ожидал, что на глубине мощный поток воды начнет таскать меня во все стороны.

– Вставай, проклятьем заклейменный, – хрипло завыл я, – весь мир голодных… а я очень голодный.

Далеко же меня успело унести течением. Минут десять ушло, только чтобы вернуться к водопаду. Приметные кусты и сам топор нашлись сразу же. Заодно по пути я обнаружил, что в реке полно рыбы. В подлеске нашлась ягода, похожая на ежевику, но есть ее я не решился. Из ядовитых рыб мне вспомнилась только рыба фугу, а вот ядовитых ягод было гораздо больше. Решено, буду ловить рыбу, ее можно и сырую есть. Еще птичьи яйца можно поискать в лесу.

Чуть больше времени ушло на поиски подходящей прямой ветки и ее заготовку. Перекопав корни парочки деревьев, набрал в лопух два десятка земляных червей. Порубив их на мелкие кусочки и перемешав с землей, скатал три шара прикормки. Вернувшись на берег, я отыскал неглубокую заводь, кинул в воду прикормку и, задрав палку вверх, принялся ждать. Сначала на запах пришла мелкая рыбешка. Но вот в воде мелькнули спинки покрупнее, и я резко хлестанул по ним толстым концом ветки. Пришлось использовать все приманки и сменить заводь, но одну не крупную рыбку я все же успел выкинуть на берег. Серебристая, с мелкой чешуей, она напоминала форель. Решив не утруждаться с чисткой, я, орудуя топором, разделал рыбу на половинки. Осторожно откусил кусочек.

Фу-у, и как Горлум это годами жрал? Да и худым он таким был наверняка от глистов. С превеликим трудом догрыз спинку, глотал куски даже не жуя. Желудок по поводу рыбы протестов не высказал, хотя еще не вечер. Нет, надо раздобыть огонь, сейчас день и градусов под тридцать уже, а вот ночью будет туго. Метод с палочками я оставил на потом. При таком способе, если не разожжешь, так согреешься. Лазая по окрестностям, удалось методом научного тыка обнаружить несколько подходящих обломков с острыми краями, искру они давали короткую и желтую. Набрав по лесу трухи, коры и мелких веток, я приступил к первобытному таинству. После трех часов махания топором и надувания щек я наконец-то добыл свой огонь.

– Огонь. Ура мне, урррааа. – Я принялся радостно скакать вокруг костерка, подбрасывая сучья. Пока очередной наклон за дровами не вызвал в кишках бурю. В животе забурлило и заклокотало.

– О-о-о, нет, нет, нет, нет. – Я лихорадочно заметался в поисках лопуха.

– А-а, чертова рыба. – Держась руками за воющий живот, и изо всех сил сжимая нижний клапан, я ворвался в лес. Спустя полчаса я на подгибающихся ногах вернулся к костру. Над ним вился жиденький дымок. Пришлось переться обратно в лес за дровами. К вечеру я успел наловить с десяток рыб и принялся их жарить. Одну часть, насадив на прутики, развесил над костром – это на первое. Вторую часть положил на плоский камень у огня – это второе. А на десерт – пару рыбешек завернул в лопух и, обмазав глиной, закатил в костер. К тому времени поспела рыбка на палочке, и я приступил к еде. Как же мало надо человеку для счастья. Конечно, наесться этим было невозможно, но я и не торопился, живот еще бунтовал.

– Итак, подведем итоги, – разговаривал я сам с собой, сидя у костра. – Я непонятно где, неведомо когда. Вокруг лес, но девственно чистый, ни фантика, ни окурка. У меня есть огонь, вода, еда и оружие. А чего же мне не хватает для полного выживания? Правильно, женского внимания! Значит, завтра с утра надо идти искать людей, ну или еще каких эльфов с гномами.

Пока собирал дрова и рубил ветки для шалаша, я здорово намучился, таская всюду топор в руках. Надо ему ножны соорудить, что ли.

– Идея!

Однако наступившая темень отодвинула мои планы до утра. Ночь прошла спокойно, если не считать вездесущих летающих кровопийц, и с первыми лучами я отправился вниз по течению. Шел как король – в одной руке держава-камень, в другой скипетр-топор. Найдя молодую липку, я ободрал ее на лыко. Выбрав самую длинную ленту, завязал узлом посередине в виде петли и, обмотав дважды на поясе, подвязался. Получился уродливый примитивный пояс с петлей, в которую я и сунул рукоять топора. С другого бока я примостил обмотанный кремень. Готов к труду и обороне!

С той поры прошла неделя. Я научился быстро разводить костер. Ловить и готовить ящериц, похожих на игуан. Дважды спасался на деревьях от разъяренных кабанов. А однажды ночью проснулся от треска ломающихся веток и яростного рычания. Со скоростью обезьяны я взлетел на ближайшее дерево и остаток ночи провел на нем. Внизу шла настоящая битва.

Две тени, каждая размером с лошадь, рвали друг друга на части. Порой сплетаясь в клубок чтобы спустя мгновение разлететься в стороны и снова сцепиться. В перерывах оглашая лес ревом и тяжелыми ударами о землю. Наконец один из соперников не выдержал и дернул обратно в глубь леса. Его противник, издав звук, похожий на пароходный гудок, ринулся в погоню. Утром я обнаружил перепаханную поляну и здоровенные следы когтистых лап. Они были похожи на следы динозавров. Решив, что надо отсюда убираться и поскорее, я собрался, подпоясался и без промедления двинул дальше. Стать добычей какого-нибудь велоцираптора не хотелось.

Остановился для привала, только когда уже солнышко начало припекать. По пути я прибил вылезшую на камни погреться игуану и теперь предвкушал отличный шашлык. Поначалу потрошить их было противно, но на рыбе далеко не убежишь, да и ловить ящериц проще. Теперь привык уже. Голову и кишки долой, потом острой щепкой срезаю кожу, и тушка готова. Эх, жаль, я толком трав не знаю, а так бы чесночка или лука дикого найти. Вокруг отличный луг, трава по колено, коси да коси. Пока ящерица жарилась, я решил пройтись по лугу, может, чего найду. В лесу, конечно, росли деревья с плодами, но есть их я опасался, уж больно они непривычно выглядели. Не дойдя десятка шагов до леса, я наткнулся на суровый взгляд, а под ними хищное жало болта, нацеленного мне в грудь.

– Ронт эларе! – Из-за дерева показался седой старикан с арбалетом на изготовку.

– Ронт эларе! – чуть громче повторил он.

– Я тебя не понимаю, дед. Я не местный, – лихорадочно пытаюсь сообразить, как успокоить аборигена и не напороться на болт в пузо.

– Меня ограбили, пока я в реке плавал.

– Ронт, – взгляд на топор и в землю. Спорить с арбалетом было глупо. Я медленно вытянул топор из петли и, присев, аккуратно положил его рядом с собой. Мне было одновременно страшно и радостно, хотелось обнять этого старика и в то же время бежать от него подальше. Я разнервничался и тараторил без умолку.

– Ну и чего делать будем? Дед, а люди тут еще есть? А деревня? Или может город? Слышь, я к людям хочу, неделю уж тут как папуас бегаю.

Критично окинув меня взглядом, дед немного расслабился, арбалет уже смотрит в землю. Я тоже его оглядел. Седой как лунь, слегка сгорбленный, но видно, еще крепкий и жилистый дедок. Волосы на голове перехвачены хайратником. Борода тоже белая и широкая, как лопата. Хитрый, с прищуром взгляд из-под кустистых бровей. Одет в простую серую рубаху. На ногах хорошие, слегка потертые кожаные штаны, заткнутые в стоптанные сапоги. Пояс с металлическими бляшками, а на нем аж два ножа по бокам. Вдруг старик насторожился и стал всматриваться мне за спину. Развернувшись, краем уха я услышал писк и возню в направлении своего костра.

– Фасе, фасе, – дед с озабоченным видом призывно замахал мне, заманивая в лес. Подобрав топор, я поспешил за ним. Да только вот угнаться за старым было нелегко, он ловко петлял между деревьев и кустарника. Поравнявшись с хромающим стариком, опиравшегося одной рукой на палку, я хотел помочь, подхватив его под руку. Но тот резко развернулся, сунул мне в руки свою палку и, вскинув арбалет, выстрелил. Сзади раздался душераздирающий писк и визги. Обернувшись, я увидел, чего так испугался дед. Это были крысы! Здоровенные, размером с собаку, они быстро приближались, охватывая нас полукольцом. Невероятно быстро перезарядив свой арбалет, дед снова выстрелил. Болт пробил крысе голову, кувыркнувшись, она без звука шлепнулась на спину, а лапы все дергались, продолжая бежать.

Первой бросилась в атаку самая мелкая крыса. Она пулей метнулась к старику, занятому перезарядкой, и вцепилась ему в ногу. Тот без звука отбросил арбалет. Выхватив свою палку, он оттолкнул меня, наклонился и принялся лупить крысу, та попискивала, но не отпускала. Это послужило сигналом для остальных. Крысы бросились на нас со всех сторон одновременно. Одна из них прыгнула, метя старику в горло. Он подставил, разинутую пасть палку и, молниеносно выхватив нож, полоснул им повисшую крысу по горлу. Наблюдая за стариком, я чуть было не лишился своего достоинства. Розовую пасть, полную мелких зубов, летящую мне в пах, я заметил в последний момент. Отпрыгнув от неожиданности метра на три назад, я свалился на заходившую со спины крысу. Ее зубы щелкнули в сантиметре от пальцев ног. Растерявшись, я совсем забыл про топор. И в панике со всей силы грохнул кулаком по плешивой крысиной черепушке, вбивая ее в рыхлую землю. Крыса отключилась, а впереди уже шуршали кусты с новыми врагами. Осознав, что нельзя разделяться, иначе загрызут по одному, я, заложив крюк, со всех ног бросился к деду. Он крутился, как волчок, на месте, а вокруг водили хоровод пяток матерых крысаков. Не дав им опомниться, я с ходу врубился в эту шайку и, треснув топором по спине одной, наотмашь заехал по оскаленной пасти второй. Раздался оглушительный визг. Кончик моего топора рассек ей нос, и крыса, вереща и завывая от боли, кинулась прочь.

Воспользовавшись замешательством, дед успел одной крысе раскроить череп своей палкой и воткнуть нож в загривок другой. В этот момент мою правую ляжку обожгло огнем, в нее впилась зубами темно-бурая тварь. Я заорал от страха и боли и, бросив топор, вцепился в челюсти силясь их оторвать. В руках хрустнуло, пасть распахнулась настежь. Отбросив захрипевшую крысу, я со стоном схватился за прокушенную ногу, из нее ручьем текла кровь. Сзади зашуршали шаги, подхватив топор, разворачиваюсь…

– Ааа, это ты, дед. А где остальные?

Проигнорировав мой вопрос, он наклонился и добил слабо дышащую крысу с разорванной пастью. Затем осмотрел мою ногу и, улыбнувшись, похлопал меня по плечу. И тут я замечаю, что за ним все еще волочится крыса. Молча указываю ему пальцем на труп. Он, все так же ухмыляясь, разжимает ей челюсти ножом и приподнимает штанину. Под ней искусно сделанный деревянный протез. Указываю ему на свою рану и жестами прошу его уже порядком изорванную рубаху на бинты. На что дед вскакивает как молодой и, оглядевшись, исчезает в кустах. Спустя пару минут он появляется со своим вещмешком. Покопавшись, выкладывает из него склянку и бинты. Я с интересом наблюдаю за его манипуляциями. Накапав в рану и смочив бинт густой, как сироп, красноватой жидкостью, он крепко перевязал меня. Засучив изорванные рукава, он также перебинтовал свои руки, что-то бормоча себе под нос и сокрушенно вздыхая. Я было хотел встать и помочь ему но дед решительно усадил меня обратно, приговаривая:

– Сити, сити.

После перевязки старик принялся ходить среди крысиных трупов и отточенными движениями отрезать им хвосты. Продемонстрировав с довольной улыбкой мне целый букет хвостов, он закатал их в тряпочку и упрятал в вещмешок. Также он принес свой арбалет и собрал

болты. Повесив его на пояс и закинув через плечо лямку мешка, он помог мне подняться, и мы вместе покинули место битвы.

Сиропчик имел явно легкий анестезирующий эффект, так что нога в дороге меня почти не беспокоила. Мои порывы поохотиться на ящериц дед счел очень смешными. Он смеялся своим каркающим смехом до слез. Глядя на то, как я с топором подкрадываюсь к согревшимся и оттого ставшим очень быстрыми игуанам. Утерев глаза, он выудил из вещмешка котомку и разложил ее на траве. Махнув мне, дед уселся по-турецки и принялся нарезать краюху хлеба. Я не стал кочевряжиться и мигом уселся напротив. Порезав хлеб и ломоть сала, дедуля выложил на тряпку десяток бледно-зеленых луковиц. С хрустом откусив от луковицы, он кивнул мне на горку еды.

– Интареман.

Луковицы напоминали редиску. Хлеб был серый и очень вкусный. Ну а сало оно и в Африке сало. Пока я набивал рот, наслаждаясь такими простыми и вкусными вещами, дедуля вновь принялся копаться в мешке и выудил из него кожаный бурдюк. Открыв, он лихо выдул половину и протянул бурдюк мне.

– Ну, надеюсь, ты не практикуешь уринотерапию: – как можно искреннее улыбаясь, ляпнул я. Однако отказываться невежливо. В бурдюке оказался травяной чай, отпив пару глотков, я продолжил набивать живот.

– Ох как же вкусно было дедуль благодарю тебя. Ты не поверишь, я уже дичать тут начал, все ящериц да рыб ел.

Старикан сидел и внимательно слушал. Продолжая болтать о еде и своих мечтах о жареной картошке, я развалился на травке и не заметил, как уснул. Мне снился дом и родной двор. Краем глаза замечаю движение.

– Дед, а ты-то зачем мне снишься?

Он грустно улыбается:

– Я хотел поговорить с тобой, «внучек» Ты ведь не здешний? Я таких строений отродясь не видывал.

– Каких строений? Погоди, так ты что, говоришь по-русски?

– Мы общаемся не словами, а мыслями.

– Так ты читаешь мои мысли?

Двор резко изменился, в соседних домах захлопали, закрываясь, окна и двери.

– Нет. Успокойся. Это твой сон, здесь я лишь гость. Это просто общение на первом уровне разума.

– Типа «Стар Трека» слияния разумов? – перебил я его. По домам, как на экране, полыхнули сцены их кинофильма.

– Эээээ, можно сказать и так, но мне незнаком этот способ. У тебя очень яркие образы. Ты практиковался в магии разума?

Я засмеялся.

– Магии? Разума? Нет я впервые об этом слышу.

– Хорошо, если ты позволишь я помогу тебе научиться говорить на всеобщем.

– Ладно, и как ты будешь учить?

– Все просто – этот сон и станет твоим уроком.

Остаток сна мы просидели друг напротив друга, болтали на разные темы. Правда, большую часть времени болтал он, пояснив, чем больше слов-образов я запомню здесь, тем меньше мне учить там. Однако над произношением придется поработать отдельно.

– Слушай, дед, а ведь я так и не спросил, как тебя зовут?

– Да зови уж как привык, внучек, – в который раз засмеялся старикан и растаял.

С великого бодуна – иначе это пробуждение было нельзя назвать. Голова раскалывается, во рту сухо, как в пустыне. Нахожу взглядом деда. Ну чисто зомби. Сине-зеленое лицо, под глазами здоровенные синяки, сами глаза покрыты сеткой лопнувших сосудов.

– Дед, ты как? – просипел я.

– Все нормально, долгое время не картакнел. Вот и накрыло нигоро, – проскрипел он.

– Ух ты! Я тебя понимаю, не все, конечно, но смысл ясен, – потрясенно воскликнул я.

– Слушай, выглядишь ты не очень хорошо или даже очень хреново. Может, я сбегаю, ящерку тебе поймаю, зажарим, а?

Дед закашлялся. Не смеши меня, этих ящериц люди не едят. Они мусорщики. – Увидев мой непонимающий взгляд, перефразировал. – Трупы едят.

– Подай лучше мне мешок – полечимся, заодно и повязку тебе поменяем.

Еще два дня пути, и мы вышли на старую заросшую дорогу.

– Старый имперский тракт, – пояснил мне дед. – В эту сторону редко кто ходит, дикие земли. Наш-то городок почитай на самой окраине чистых земель стоит. Дальше в двух декадах пути там пост, большая крепость и гарнизон в пять сотен разумных. Провизию туда по этой дороге возят, ну и подкрепления.

– А от кого охраняют? – полюбопытствовал я.

– Дальше-то на запад, там совсем плохо было, столица и крупные города, там жили самые могущественные маги и гремели самые жестокие битвы. А уж чего там расплодилось за эти столетия, одним лишь богам ведомо.

Как я понял из рассказов деда, в этом мире жили не только люди, а также эльфы, гномы, орки и куча иных народов. Жили довольно мирно, у людей была огромная империя, у эльфов величественные лесные княжества, у гномов неприступные горные твердыни, ну а орка в степи еще поймать надо. Примерно семьсот лет назад у них случился полный армагедец. По миру прокатилась магическая буря. Она исковеркала и изменила все, в чем была хоть капля магии. Одни говорили, что это результат магических экспериментов. Другие полагали, что это усмешка богов. Третьи склонялись к неким вселенским циклам мироздания. Ну и конечно, нашлись те, кто решил, что в его бедах виноват сосед. Началась резня и грабежи, которые переросли в полномасштабную войну всех против всех. Применение боевой магии одиночками и целыми отрядами привело к непредсказуемым и ужасающим результатам. Многократно усиленные бурей заклинания меняли ландшафт и погоду. Мир изменился. И каждая из рас огребла по полной.

Люди, как наиболее слабые физически и потому чаще других пользовавшиеся различными магическими и алхимическими снадобьями, потеряли почти девяносто процентов населения. Алхимия меняла их тела, превращая в жутких уродов. Маги растворялись в своих стихиях, порождая элементалей. Человечество таяло на глазах.

Эльфов – лучших магов жизни, постигло тотальное бесплодие. Каждый по отдельности они были абсолютно здоровы и могли жить до тысячи лет. Но произвести на свет здоровое потомство могли лишь единицы, и то после тщательного подбора партнеров. Раса эльфов оказалась на грани вымирания.

Гномов – великолепных алхимиков и изобретателей, подкосила умственная деградация. Все меньше рождалось талантливых инженеров и искусных алхимиков. Навыки и знания некому было передавать. Раса гномов вырождалась.

Как пострадали орки, никто не интересовался. В те времена их считали почти дикарями. Отступив на задворки своих прежних владений, народы принялись зализывать раны и восстанавливать утраченные связи. Поодиночке в новом мире было не выжить.

Впоследствии появились новые виды животных и растений. Маги открыли новые заклинания, алхимики составили новые рецепты. Открылись новые перспективы.

– Надо бы тебя приодеть, а то с голым задом в город не пустят. В часе ходьбы отсюда есть деревенька, там и купим тебе портки, – продолжил старик.

– Спасибо, дед, даже не знаю, чтоб я без тебя делал.

– Ну, – задумался дед, – если б крысы не сожрали, на подступах к городу тебя бы остановили внешние дозоры. Доставили бы в город, проверили на наличие метки раба и выкинули обратно за ворота.

– Или самого в раба обратили, – с грустью пробурчал я.

– Неее, – ухмыльнулся дед, – это дело хлопотное, да и мэтр Ортус человек дотошный, вмиг раскусил бы. А вот за оговор на суде могут и заклеймить.

– Сурово тут у вас.

– Да не особо, но ты пока не освоишься, не болтай попусту.

– Дед, а дед, скажи, а почему ты мне помогаешь? Или у вас так принято: встретил голого, напои, накорми и спать уложи?

Старик слегка замедлился, посмотрел на меня и, прищурив один глаз, сказал:

– Поначалу я тебя сразу пристрелить хотел, да рука не поднялась. Ты ж на поляне как теленок новорожденный себя вел. Шел, на цветочки да бабочек смотрел. А уж как топор держал – понял, не воин ты, дитё великовозрастное.

Я покосился на топор в петле – мда, опустил ниже плинтуса. Пожалел дурака, оказывается.

– Ну, ну, не печалься. Помогаю я тебе, потому что ты помог мне.

– Когда это? – воскликнул я.

– Когда не струсил и не бросил старика на съедение крысам.

Над деревенькой из двух десятков избушек вился печной дымок. Были видны только крыши да печные трубы. Все остальное скрывалось за трехметровым частоколом из толстенных бревен. Объяснив, что не стоит привлекать внимания селян моим неподобающим видом, старик пошел в деревню один. Я остался сидеть в придорожных кустах. Вдруг на дороге послышался залихватский свист и щелчок кнута. Из-за поворота лесной дороги появилась лошадка, запряженная в скрипучую телегу, на ней сидел долговязый парень. Обогнав деда, он остановился перед воротами и принялся орать во всю глотку, чтобы его впустили. Ворота резко распахнулись, лошадка с испуга шарахнулась, и парнишка свалился с телеги. Из ворот появился голый по пояс дядька и принялся пинками поднимать парня с земли и загонять в ворота. Пинки хорошо стимулировали и помогали набрать скорость, но заплетающиеся ноги не поспевали за телом. Паренька знатно штормило, он то и дело кричал:

– Не надо, прости, батя, – снова и снова падая в пыль. Загнав пинками свое чадо в ворота, дядька подхватил под узды лошадку, и вся компания с воем, скрипом и непереводимыми иномирскими матюками направилась вглубь деревеньки. Деда следом пропустили без вопросов.

Спустя пятнадцать минут я уже надевал застиранные до дыр штаны из мешковины и большущую рубаху до колен. На ноги достались кожаные чешки с завязками, вроде у нас они назывались поршни.

– Дед, а это точно не женская ночнушка? – засомневался я.

Критически окинув меня взглядом, дед признал увиденное приемлемым.

– Нет, просто ты мелковат, а рубаха – старосты.

Запихав в свой мешок мой топор, он навьючил его на меня. Еще раз оглядел и скомандовал: Идем!

Сойдя с дороги на хорошо протоптанную тропинку, мы прошли по ней мимо красивого озера. По зеркальной глади плавали утки. А на берегах ни одной бутылки, бумажки или пакета, а из воды не торчит неизменная покрышка. Красота!

Спустя каких-то полчаса неспешной прогулки мы оказались на краю пшеничного поля. Колос был еще зеленым. Поэтому казалось, что я стою на берегу зеленого моря, а ветер гоняет по холмам шелестящие волны.

– Дед, а какое сегодня число?

– Чего?

– Ну дата, какой сейчас г… л… – недоуменно запнулся. Я не смог перевести год, видимо, образы не складывались. Но дед, похоже, понял, о чем речь.

– Сейчас лето 727-е от Великой Бури, день 21-й бычьей луны. – И вздохнув, добавил: – До новолетия осталась одна луна.

Пройдя извилистой тропкой среди колосящейся пшеницы, мы снова углубились в лес, росший на другом конце поля. И спустя полчаса тропинка вывела нас на большую накатанную дорогу. По ней мы и пошли дальше. Наконец за очередным поворотом лес расступился, и я увидел город.

– Вот и пришли – торжественно объявил дед. – Верхний Новгород.

Городок располагался на огромном холме. На вершине находились большущие трехэтажные хоромы из серого камня. На склонах под ним расположились усадьбы помельче, отделенные заборами и частично утопавшие в зелени деревьев. А у подножия раскинулась мешанина из сотен разномастных домишек, плотно примыкающих друг к другу. Стекая с холма, город вытягивался вдоль реки вниз по течению, плавно перетекая в длинные здания складов речного порта. Все это великолепие окружал длинный ров.

– Ого, а что и Нижний Новгород есть? – удивился я такому совпадению.

– Конечно, вниз по реке в трехстах пятидесяти гал пути на берегу моря стоит Нижний Новгород, их строили уже после Бури, – пояснил дед.

– А гал, это сколько? – тут же поинтересовался я.

– Дык, вот как от нас до городской окраины как раз гал и будет, – и махнул рукой в направлении города.

Я прикинул на глазок, до города было с километр-полтора. Пока мы шли к окраинам, дед успел поведать мне о городе и его устройстве.

Главой всего этого хозяйства, а также главнокомандующим являлся некто полковник Хараг Толстый. Он был рукой короля в данном районе. Его помощником и советником по магической части был мэтр Ортус, также он заведовал судейской системой и, как поговаривали, разведкой. А так как город являлся важным перевалочным и торговым пунктом между королевствами, был еще и помощник по финансам – Вардек Долгонос. Он заведовал налогами и торговыми операциями. Эти трое были в курсе любых дел в городе. Сам город жил в основном торговлей, сюда приходили караваны из соседних королевств и перегружались на корабли, пришедшие из Нижнего Новгорода.

Не доходя метров сто до первых домов, мы оказались в очереди из таких же путников и трех телег. Впереди в будке сидел стражник и получал с входящего монетку, с телеги, груженной мешками с мукой, взял три. Дородный крестьянин по одной отсчитал их и положил в протянутую ладонь стражника. В это время его молодой напарник деловито прохаживался вдоль очередников, то и дело перебрасывал с плеча на плечо до блеска надраенную алебарду. Подошел и наш черед. Дед, протолкнув меня вперед, сунул в лапу стражника две медные монетки, тот, мельком взглянув на нас, ссыпал их в ларчик. Уже перейдя мосток через ров, дед объяснил:

– Это плата за защиту. Полковник объявил, что на собранные деньги будут строить стену вдоль рва. Вода, конечно, хорошо защищает, но прошлая зима выдалась морозной, из леса вышли десятка два скелетов и по льду перешли ров. Успели задавить полсотни людей, пока стража не опомнилась.

Услышав про скелетов, я подивился.

– А что, бродячий скелет это у вас частое явление? Как они вообще ходят?

– Такой толпой, конечно, редко бывают, чаще поодиночке. Это все из-за магии разлитой во время Бури. Когда умирают, дух должен покинуть тело, но случается так, что он остается в теле. Такой дух питается магией, и вскоре энергии духовного тела хватает на то, чтобы передвигать и физическое. Маги говорят, что видят таких скелетов как бы обтянутыми полупрозрачными телами.

Так незаметно, за беседой мы оказались на центральной городской улице. По сторонам высились двухэтажные дома из камня и дерева. На некоторых домах висели вывески с характерными красочными изображениями бакалейных, портных, гончарных и прочих лавочек. Ширина мостовой позволяла свободно разъехаться двум телегам. Я поначалу полагал, что на улицах будет полно дерьма и грязи, но мостовая была чистой и особой вони не наблюдалось. Прохожие люди меня удивляли не меньше, большинство встреченных были выше меня на полголовы.

Дед тем временем свернул с главной дороги на улочку, и я, последовав за ним, чуть не столкнулся с двумя высоченными мужиками. Отпрянув к стене, я во все глаза уставился на их длинные уши. Это были эльфы! Увидев мою реакцию, явно подвыпившие мужики звонко расхохотались и, покачиваясь, в обнимку отправились дальше по своим делам. А я продолжал смотреть им вслед, первый нес на спине лук в украшенном налучие. Но второй… Второй был вооружен двуручной секирой. Это вызвало разрыв шаблона в моем мозге, и я поспешил за дедом, намереваясь разузнать у него про эльфа с топором. Догнал я его уже в конце улицы, все-таки для одноногого он слишком быстро ходит. Старик стоял на пороге лавки, на вывеске которой было изображение пузатой дымящейся колбы. Дверь мелодично звякнула, впуская нас.

Внутри царил полумрак и стоял одуряющий запах всевозможных трав. Напротив входа находился прилавок, освещенный кристаллом, дававшим ровный белый свет. За прилавком стоял упитанный бородатый мужичок. За его спиной во всевозможных банках и склянках плавали какие-то органы, части тел и целые трупики животных и рептилий. Правую стену целиком занимал стеллаж с плошками, где лежали разноцветные порошки, корешки, сушеные кузнечики, жучки и прочие мелочи. Слева был прилавок с уже готовыми зельями. Разнообразием расцветки они могли бы поспорить с лучшими коктейлями наших баров, всех цветов радуги, черные и белые, смешанные и взболтанные, недоставало лишь соломинок спиралькой.

Пока я разглядывал эту лавку народной медицины, дед стащил с меня вещмешок и принялся выкладывать на прилавок тряпочки, мешочки и коробочки. Торговец сноровисто развязывал упаковку. Так на свет по явились синие грибочки, ягодки, пучки разных листьев и трав. Под конец на прилавок плюхнулся букетик крысиных хвостов. Торговец хмыкнул и пробасил:

– Хоть я это и не заказывал, но по серебрушке за хвост возьму. Дед молча кивнул. Торговец еще раз окинул взглядом прилавок, сверяясь с бумажкой, и достал из-за пазухи кошель. – Вот деньги, как договаривались, семьдесят три серебра и двенадцать медяков.

Затем пошарил под прилавком и отсчитал еще девять серебряных монеток чуть больше рублевых.

– Ох, чуть не забыл про новый заказ, – хлопнув себя по лбу, торговец засуетился. Он повернулся и принялся копаться в ворохе бумаг, лежавших в плетеной корзинке: – Вот.

Дед внимательно вчитался в список:

– Хех, не уверен, Гарин, тут больше половины ингредиентов, за которыми надо по деревьям лазить. Стар я уже для таких подвигов.

– Дак, а помощник-то тебе тогда зачем? – кивок в мою сторону. – Загони его на дерево, пусть постигает науку. Да и заказ стоящий, заплачу за все, что принесешь сверх написанного.

– Что по срокам? – осведомился дед.

– И со сроками не тороплю, луну-другую потерпит, но качество должно быть отменное, – указав пальцем вверх, сказал Гарин.

Дед глянул на меня и спросил:

– Ну что? Согласен?

– Согласен, – киваю я. А сам про себя думаю, а куда деваться то, работы нет, прописки нет, денег нет, а по деревьям лазить я умею.

– По рукам, – соглашается дед, и они жмут друг другу руки.

Закинув опустевший мешок за спину, я отправился вслед за дедом. Оказавшись на улице старик, улыбаясь, спросил меня:

– Андрей, ты понимаешь, во что ввязался?

– Не особо, надо собрать какие-то листики, ягодки, грибочки, – неуверенно промямлил я, чувствуя, что в вопросе деда кроется подвох.

– Почти угадал, – шире заулыбался дед. – Вот только пойдя в лес по грибы да ягоды, можно повстречать и медведя. А нам придется залезть в такие места, где встречаются твари, которые кушают медведей. – И он демонстративно постукал палкой по своей деревянной ноге.

– Ну что внучек, пойдем домой, – беззаботно проговорил старик и, поправив арбалет на плече, отправился вниз по улице.

Жилище деда представляло собой обычный неокрашенный бревенчатый домик с мансардой. Такие домишки тысячами строились на шести сотках моей родины и гордо именовались дачами. Слегка покосившееся крыльцо, треснувшие перила, на двери амбарный замок. Дом ютился между такими же шедеврами народной архитектуры, собранных из бревен и грубо оструганных досок. Несмотря на внешний запущенный вид, внутри дом выглядел чистым и уютным. Первый этаж был одной большой комнатой. Глядя на нее, создавалось впечатление, что и вправду приехал в гости к деду на дачу. У левой стены выскобленный стол с одиноким табуретом, кровать, застеленная лоскутным одеялом. У дальней стены печка, сложенная из кирпичей и приставная лестница, ведущая на мансардный этаж. Правую стену занимали громоздкий шкаф под потолок и длинный комод, на котором вместо телевизора лежал в ножнах меч. Похоже, дед жил здесь один-одинешенек, ни жены, ни детей.

Положив арбалет на стол, дед обернувшись сказал:

– Ну что стоишь как не родной? Проходи, скидывай мешок прямо на пол. Сейчас схожу к соседке, возьму чего перекусить, а то в доме шаром покати. Ну а потом и в баньку. Здесь за углом отличная гномья баня имеется.

Усадив меня на единственный табурет в доме и прихватив из угла плетеную корзинку, он вышел за дверь. Я сидел и думал. Как мне отблагодарить деда, который столько для меня сделал и продолжает делать? Как вообще можно оценить доброту? То, что он на меня потратил, я безусловно возмещу. И здесь главное не обидеть старого человека. Тем временем дед вернулся с полной корзиной еды, и я бросился ему помогать. В корзинке оказалась литровая крынка молока, четвертушка знакомого хлеба, кусок сыра и горшочек с еще парившей кашей. Пока я раскладывал на столе еду, дед достал откуда-то деревянную ложку и кружку.

– Чем богаты тем и рады, – радостно заявил он, всучивая мне ложку: – Ты приступай, пока каша не остыла, а я молочка попью.

В ответ я уговорил его сесть на табурет, мотивируя тем, что стоя больше каши влезет. Никогда особо каши не ел, но эта, видать с голодухи, показалась мне вкуснейшим блюдом. И несмотря на мои заверения, что я по-братски съел ровно половину каши, дед таки заставил меня опустошить горшок на две трети. Оставив мне допивать полкрынки молока, старик уселся на кровать, покряхтел и отстегнул свой протез. Затем, нашарив под кроватью костыль, поднялся и полез в свой шкаф. Собрав там узелок, он бросил его мне.

– Хорошо поймал, а я уж подумал, что ты совсем безнадежен, – похвалил он, ухмыляясь.

– Дед, так это же тряпки, а не стрела, – попытался обидеться я.

– Ничего, – обнадежил он меня, – придет время и для стрел. А теперь пошли в баню.

Заперев дверь на ключ и повесив его себе на шею, дед с еще большей скоростью запрыгал в сторону большого каменного строения, которое дымило как пароход, тремя трубами. Баня оказалась общественной и совместной. На входе сидела здоровенная баба, которая взяла с нас шестнадцать медяков платы и предупредила, что мыло и мочалки оплачиваются отдельно. На втором этаже, как мне пояснил дед, были отдельные номера. Раздеваясь в предбаннике у деревянного шкафчика, я старался не глазеть по сторонам. Мимо меня, нимало не стесняясь, шастали дородные бабули и степенные мужи.

Сама баня была похожа на турецкую, повсюду были мраморные скамейки, но жарко и влажно было, как в нашей. Выбрав понравившуюся скамеечку, дед выдал мне мочалку из лыка и капнул в нее из пузырька с мылом. Надраив себя до красноты и окатив из ушата, я почувствовал огромное облегчение. Отчаяние и неопределенность последних дней смылись вместе с грязью. Дед тоже раскраснелся, отмылся и полез на приступки, усевшись там, он принялся болтать с таким же старичком. Рядом с ними сидела крепенькая дама с внушительным бюстом и поедала красные ягодки из плошки. Хвала богам еще, что молодых девчонок в бане не было. Посидев минут пять с дедом, я понял, что еще чуть-чуть и меня вынесут вперед ногами, а этим старперам хоть бы хны.

Дед, видя мои метания, слез с приступка и потащил меня за собой. Из предбанника противоположная дверь вела в пивную. За многочисленными столиками сидели разумные, замотанные в белые простыни, обильно выпивая и закусывая. С дальнего столика нам вдруг замахала компания из эльфа и трех людей. Все они оказались друзьями моего дедули. На радостях заказали еще пива и блюдо речных раков.

Надо сказать, посиделки в компании старичков то еще удовольствие. Представив меня как внука Андрея, приехавшего в гости с севера, дедок назвал и своих друзей. Эльф – мэтр Элькарин, господа Навой и Олив и гном – мастер Гратовит очень гордившийся своей роскошной бородищей, лежащей на внушительном пузе. Навой и Олив братья-лавочники с местного рынка. Старички, приняв на грудь по паре кружек, ударились в воспоминания, какими они были в мои годы. Ну да тогда и деревья были выше, и трава зеленее и бабы толще. Вдобавок они постоянно меня подначивали, то слабо пью, то мелковат для люда и лысоват для гнома. Я отшучивался, как мог, стараясь не обидеть ненароком почтенных старцев. Пиво-то я не очень люблю, но здешнее мне понравилось и когда принесли второй кувшинчик, я быстренько разлил его по опустевшим кружкам.

Сухонький и длинный, как жердь, эльф, пропел мягким баритоном:

– Пора, пора добавить к празднику веселья, – и воровато оглянувшись по сторонам, сыпанул в кружки по щепотке порошка. Я было принялся отказываться, но мэтр упер в меня свой холодный взгляд и заявил, что он-де маг жизни и лекарь, а потому ничего плохого со мной не случится. Он даже встал со своего места и перегнулся через стол, наседая на меня с вопросами – уж не думаю ли я, что мэтр решил всех отравить? Эльф так завелся, что не заметил, как сползло его покрывало, и теперь его хозяйство болталось прямо над его же тарелкой с закуской. Все остальные поглядывали на представление поверх кружек и в разговор не вступали, притворяясь страшно занятыми пивом. Так заняты, что их аж потряхивало от смеха.

Ладно, не яду же они мне подсыпали, подумал я и отхлебнул. Во рту приятно защипало, вкус слегка изменился, но в лучшую сторону. Я сделал еще пару глотков, и последнее, что увидел, была тарелка с раками, которая приближалась.

– Да говорю же тебе, это был обычный серебряный корень, – возмущался голос.

– Бу-бу-бу, – донеслось издалека.

– Его даже детям дают, чтоб ты знал, – заорали совсем рядом.

– Сейчас анализы будут готовы, и мы все узнаем.

– Я смотрю, ты уже проснулся, молодой человек, – обратился ко мне вошедший эльф, – заставил же ты нас поволноваться.

Я лежал в незнакомой комнате на кровати с мягкой периной. В дверь ввалился дед с остальными старичками и незнакомым эльфом. Молодой эльф с озадаченным видом глянул на бумажку и залепетал:

– Мэтр, я не понимаю, никогда не встречал подобного.

– Давай посмотрим, Атамил, – и мэтр вчитался в написанное.

– Понятно, лет триста я не видел таких показателей, тебе повезло, законспектируй их. Перед тобой классический случай синдрома Безумного Алхимика, – провозгласил мэтр.

– Чего?

– Спокойнее, Андрей, спокойнее, этот синдром был распространен у людей родившихся после Бури. Их организмы неадекватно реагировали на случайные активные алхимические реагенты. Например, ты, попробовав порошок серебряного корня, просто заснул, а должен был получить заряд бодрости. Реакция организма абсолютно случайна, и на какой из реагентов и в какой комбинации он среагирует, тоже не предсказать.

– Так я что, от маринованных огурчиков могу помереть? – изумился я.

По рассказам деда, алхимия применялась в этом мире в пищевой промышленности так же активно, как в нашем просто химия. Консерванты, эмульгаторы, усилители вкуса и прочие гадости здесь тоже присутствовали. Правда, в отличие от нашего ширпотреба, здесь это касалось только дорогих продуктов.

– Не стоит преувеличивать, смертельная реакция может наступить лишь на очень сильные алхимические смеси. В основном же это будут расстройства желудка, рвота, кожные высыпания, временная потеря волос, потеря сознания… – начал перечислять мэтр монотонным профессорским тоном.

– Все, все, мэтр, я понял – всевозможные побочные эффекты, – прервал его я и принялся вставать с постели.

– Если все упростить, то да, – пробубнил эльф, разочарованный нежеланием пациента прослушать лекцию. Но тут же переключился на своего ученика, зашептав ему на ухо, поглядывая то на меня, то на бумажку с анализами. Ученик лихорадочно принялся записывать сказанное учителем в свою пухлую тетрадь.

– Да-а, дедуль, влип же я со своим синдромом и тебя подставил, – завел я разговор, когда мы покинули гостеприимный домик мэтра Элькарина.

– О чем ты Андрей? – изумился дед. – Ни мне, ни мэтру ты хлопот не доставил. Наоборот, теперь этот скупердяй чувствует себя мне обязанным. А у него самого появилась возможность погонять ученика на предмет уже исчезнувших болезней. Ты внес свежую струю в наше старое болото, – и он расхохотался.

В домик деда мы вернулись уже глубокой ночью. Спать совершенно не хотелось, и пока дед храпел на кровати, я сидел на крылечке и пялился в ночное небо и размышлял. Вернуться домой? Как? Да и что там меня ждет после всего здесь увиденного? Скука, ломка и психушка? Ведь сам себе не прощу упущенного шанса. А здесь синдром. Буду питаться экологически чистой пищей без алхимических добавок. Вообще жить можно. Будем посмотреть.

С утра я умылся и столкнулся с проблемой чистки зубов. Дед выдал мне синий пузырек со словами:

– Хлебаешь, полоскаешь пару минут и сплевываешь, глотать не рекомендуется.

Я так и поступил. Резкая ноющая боль заставила меня подпрыгнуть. Сплюнув адское зелье, я обнаружил, что выплюнул его с кусками пломб.

– Твою жешь мать, только этого мне не хватало.

На мои вопли прискакал дед. Он долго не мог понять, что за пломбы такие и для чего они. Наконец до него дошло, и мы поспешили обратно в дом метра Элькарина. Мэтр долго удивлялся, зачем тамошние маги клеили камни к живым зубам. На пару со своим учеником они поочередно залезали ко мне в рот, цокая языками и качая умными головами. Затем мэтр выдал диагноз – два зуба удалять целиком, еще три нуждаются в основательном лечении, остальные сами восстановятся в процессе ежедневных полосканий. За все про все он назначил цену две серебряных монеты. При условии, что я не против, чтобы лечение осуществлял ученик под присмотром мэтра. Я покосился на деда и согласился на практиканта-ученика.

Похоже, тот только и ждал официального согласия подопытного. Засучив рукава, новоявленный коновал выдал коронную фразу:

– Ну-с приступим, – и тут же голыми руками полез мне в рот. Без всяких клещей он расшатал и вырвал двумя пальцами мои зубы. Затем под внимательным взглядом мэтра Атамил взялся за мою голову руками, сразу стало тепло и боль ушла. Мэтр Элькарин все жужжал по поводу каких-то потоков и сдержанности, но мне после утра боли было всё равно. Спустя полчаса лечения меня толкнули в бок, выводя из полудрёмы. Надо мной стоял ученик Атамил и просто сиял.

– Ты стал моим первым настоящим пациентом, – восторженно заявил он. Но заметив, что мэтр смотрит, состроил морду кирпичом и серьезно добавил: – Первые сутки ничего контрастного не пить и твердого не грызть. Рекомендую творог и молочные каши.

По дороге домой дед снова надо мной смеялся.

– Ха, да ты и впрямь новорожденный, то животик болит, то зубки режутся.

Про зубы было, правда. Мне пообещали, что через декаду-другую полезут новые зубы. По сути, эльф лишь подстегнул регенерацию своей магией и сконцентрировал ее в зубах. Теперь они заживали, как порез.

– Дедуль, прости, со мной одни проблемы, – с досадой пробормотал я.

– Да какие это проблемы, так, мелочи. С моим сыном случались вещи куда как хуже, – сказав это, дед вдруг сгорбился и помрачнел.

Спрашивать его о сыне я не решился, захочет, сам расскажет.

– Дед, а почему ваши эльфы с топорами ходят? В наших сказках эльфы с луками, гномы с топорами, люди с мечами.

– Ну и сказочники там у вас. Сам посуди, топор оружие рубящее, и самый сильный удар сверху вниз. Низкорослым и коренастым гномам топор как корове седло, и в горах нечего рубить. А вот эльфы и ростом повыше, и живут в лесах, они лучшие мастера по дереву и к топору привычны с детства.

Как оказалось, эльфы от рождения являются магами жизни или магами разума. Те, кто был слабо одарен магией, выбирают путь воина. Возможности быстрой регенерации и заклинания силы дают этим эльфам-живчикам отличную базу для работы с тяжелыми видами оружия. Эльфы-лучники слабенькие маги разума, их феноменальная точность результат заклинаний типа телекинеза. Лучшие из них способны не только направить в цель несколько стрел, скорострельность их лука позволяет держать в воздухе до пяти и более стрел, но и увеличить силу удара в момент попадания.

Я шел и обдумывал сказанное дедом. Нет, ну правда, вокруг лес, чего бы эльфам деревья не рубить. Срубил – посадил. Гномы вроде как тоже дети камня, но и камень рубят и железо плавят.

Дома… Сам не заметил как стал называть это место домом. Дома дед развил бурную деятельность. Он загнал меня на второй этаж и приказал все вычистить и прибраться там. Я выбился из сил лазить туда- обратно по шаткой лесенке, вынося кучи тряпок, дырявых корзин и просто деревянного лома, бывшего когда-то мебелью. Однако среди барахла нашлись два

старых нерабочих арбалета, которые я отложил на разобрать-посмотреть. Из мебели оставил лишь грубо сколоченную кровать, которую, похоже, собирали прямо на месте.

После обеда дед ушел по своим делам, а я взялся разбирать начинку арбалета, он был точной копией дедова. Плечи и стальная тетива не пострадали, вся проблема заключалась в механизме взвода. Руками натягивать тетиву было невозможно. Попытавшись, я лишь едва на четверть сдвинул ее. У арбалета был под ложем рычаг, похожий на те, что ставят в пневматических ружьях. Тянешь за рычаг, под тетивой выскакивает лапка и без особых усилий натягивает тетиву. Остается положить болт в ложе, упереть в плечо подобие приклада и надавить снизу на спусковой рычаг.

Первый арбалет оказался залит какой-то дрянью, густая как смола, она запечатала весь механизм и не давала двигаться шестеренкам. Второй оказался в еще худшем состоянии, половина внешнего кожуха расплавилась вместе с внутренностями. Молния в него попала или дурак какой газовой горелкой жег его, неясно, однако восстановлению он не подлежал. Раздолбав вконец оплавленный арбалет, я все же снял остатки кожуха и тщательно зарисовал схему оставшегося механизма. Назначение некоторых деталей и их функции осталось для меня загадкой. Дед на удивление благосклонно отнесся к моему занятию и даже принес нехитрые инструменты и какого-то растворителя. С их помощью я очистил первый арбалет от загустевшей гадости. Промучившись четыре дня, я наконец полностью его разобрал, отполировал и смазал все детальки, затем вновь собрал.

– Так, проверим, – сказал я и плавно потянул за рычаг.

С тихим шелестом механизма и слабым скрипом сгибаемых плеч арбалет щелкнул курком и встал на боевой взвод. Красивая и опасная вещь. Банг – вхолостую хлопнула тетива. Я оглянулся на деда, он одобрительно кивнул и тут же предложил мне:

– Пойдем, опробуем бой.

Идти прошлось аж к подножию холма, его окружала вполне приличная пятиметровая каменная стена. Видимо, изначально она окружала весь городок, но потом тот разросся, и за стеной осталось место только для самых богатых. Красивые особняки с небольшими внутренними двориками выделялись на фоне плотно застроенного нижнего города. Прямо за воротами находились казармы городской стражи. Дед спросил у пожилого стражника разрешение попользоваться тиром и купил вдобавок у него три десятка болтов к арбалету.

Оказалось, на базе стражи находилась школа для мальчиков. В ней они учились грамоте и азам математики, а также обращению с оружием вместе с физкультурой. Девочки учились отдельно. Если в процессе обучения выявлялись магически одаренные дети, им предлагалось продолжить обучение в профильных школах, за деньги, разумеется. Для особо одаренных детей существовала королевская квота, с обязательной службой в армии. Помимо этого, стражи предоставляли желающим тренировочные площади и учителей для занятий с личным оружием.

Целиться без мушки было очень неудобно. Пришлось начинать с двадцати шагов, только тогда я более менее начал попадать в саму мишень. После пяти моих пробных выстрелов дед отобрал у меня арбалет и поразил мишень в яблочко. После продолжил смотреть на мои попытки приноровиться к новому для меня оружию. Уже порядком настрелявшись, я решил понтануться и выстрелить с одной руки.

Бац – дедова палка хлестанула меня по заднице.

– Дед, ты чего? – потирая ушибленное место, взвился я.

– А чего ты балуешься с оружием? – негодующе заорал дед.

– Ну-ка давай, встань ровно… арбалет в обе руки возьми… – каждая его команда сопровождалась болезненным тычком трости.

– Держи арбалет крепко, но нежно, будто девку за задницу. Не горбись! – хрясь новый удар палкой по спине. – Спину держи прямо. Этот локоть прижми к груди. Куды ноги растопырил, – удар по бедру, – уже лучше… этот локоть свободнее. Давай целься и стреляй.

Дах – болт пробил край окрашенного яблочка. Девятка, не меньше. Не успел я насладиться радостью победы, как сзади последовал окрик:

– Чего замер, продолжай упражнение.

Еще понаблюдав за мной немного, дед куда-то ушел со старым стражником и вернулся в компании с квадратным гномом. Ростом едва под метр шестьдесят, он был невероятно широк в плечах, а кожаная с металлическими вставками броня с шикарными наплечниками в виде медвежьих голов придавали ему вид шкафа. Я тем временем выковыривал застрявшие в стене за мишенями болты. Большинство из них раскололось, но с десяток относительно целых добыть удалось.

Вернувшись на рубеж, я попал под внимательный осмотр. Пришедший гном стал меня щупать за везде, тыкал в меня пальцем, разводил руки и постоянно хмыкал в бороду, заплетенную тремя косичками. Затем мне предложили поднять пару железных балок, я легко справился с ними. Все-таки здесь я был явно посильнее, хоть и мельче местных людей.

– Сыроват, рыхловат, но сойдет, – выдал деду свой вердикт гном.

– Что по оружию? – осведомился дед.

– Стрельбе, я вижу, ты сам его научишь, а со своей стороны я предлагаю гартог. – С этими словами гном вытянул из-за спины необычный меч. Широкий, прямой клинок с круглой гардой и длинной рукоятью. Он вытянул руку с мечом передо мной, держа его параллельно земле. В следующий миг рукоять увеличилась втрое, став чуть длиннее клинка. И гном, перехватив оружие двумя руками, продемонстрировал уже почти копье.

Я стал присматриваться к рукояти, подумав сначала, что она раскладывается телескопически. Но ни одного стыка не заметил, поверхность была ровной, без швов.

– Это что, какая-то гномская магия?

Гном заржал, как лошадь, рядом с ним усмехался дед.

– Дубина, алхимики гномов давно овладели секретом двухформенного металла.

– Это типа с эффектом памяти? Круто, а чем активируется?

Теперь гном смотрел на меня с нескрываемым удивлением.

– На рукояти есть кольцо, поворачиваешь его, и форма меняется, – он продемонстрировал. Металл на не оплетенных частях рукояти пошел мелкой рябью и сжался, в руках гнома оказался небольшой двуручный меч.

– Ого, а можно мне… – потянулся я руками к мечу.

– Куды клешни тянешь, – грубо оборвал мои стремления гном, отбивая руку в сторону.

– Учиться будешь у мастера Торнгрима, – объявил мне дед. – Заодно посмотришь их арбалеты, может, какой можно починить.

Сказав это, дед пошел к воротам, на полпути обернулся и, улыбаясь добавил:

– К ужину не опаздывай. – Чего встал? – гном ткнул меня в спину.

– Давай шагай за мной, познакомлю с распорядком и покажу арсенал, – и не дожидаясь моей реакции, потопал в сторону казарм.

С той поры прошла луна. Каждое утро я вскакивал со своей кровати в доме деда и несся к казармам. Там уже играли побудку, и весь контингент стражи выходил на плац. Дневная смена отправлялась на патрулирование города, ночная в койки. А два десятка новобранцев и учеников, включая меня, отправлялись в кросс вдоль стены. Разница между учениками и новобранцами была небольшой. Нас хлестал по задницам стеком учитель-сержант, тогда как новобранцев пинками подкованных сапог подгонял дежурный сержант. Вообще телесные наказания здесь применялись довольно часто, как стимул в учебе и тренировках.

После кросса учеников разбирали на индивидуальные занятия учителя. Потом был обед и занятия по грамоте. Затем снова тренинги с учителями или в строю с новобранцами. В моем случае через день это были тренировки по стрельбе с дедом. Его палка лупила больнее стека, цепляясь к каждой мелочи – не так стоишь, не так держишь, напряжен, расслабился. Однако ни синяков, ни шишек от нее не оставалось. Пару раз я чуть было не высказал деду все, что думаю о его методах, но вовремя прикусывал язык. Остаться без единственного знакомого в новом мире было страшно. Да и наука старика хоть и давалась болезненно, но постепенно все же начала приносить свои плоды. Я уверенно стал выбивать восемь из десяти на пятидесяти метрах.

А вечерами ковырялся в различных смертоубийственных механизмах. В наследство от империи осталось множество артефактов технологии производства которых были утеряны. Те же арбалеты со взводом, многозарядные стрелометы и прочие метательные агрегаты. Ясное дело, я лишь отдаленно понимал принцип действия этих устройств, но большинство достаточно было просто почистить от вековой грязи и заново смазать. Местные вояки отчего-то совсем не следили за своим более технологичным оружием предпочитая полировать мечи да копья.

Закончив с пробежкой, я пошел к Торнгриму. Его занятия всегда проходили в небольшом зале, стены которого были увешаны разнообразным оружием. Гном, как обычно, голый по пояс, ждал меня у окна, демонстративно повернувшись к двери спиной. Я было отправился надевать защитное снаряжение, но Торнгрим остановил меня.

– Сегодня защита тебе не понадобится, – объявил он поворачиваясь, – раздевайся по пояс.

Я быстро скинул рубашку, оставшись в старых дедовых штанах. В руках гнома сверкал отточенным лезвием гартог. Это был простой деревянный шест с клинком, без наворотов вроде сжимающейся рукояти.

– За эту луну я научил тебя, как держать в руках гартог, – с глухим стуком рукоять опускается на пол.

– Сегодня мы узнаем, достоин ли ты учиться дальше.

Гном бросает мне гартог и вынимает из ножен свой. Демонстративно, как при первой встрече, его раскладывает.

– Бой.

Его резкий выпад я едва не проморгал. В последний момент успеваю отбить древком летящее мне в грудь стальное жало. Рубящие удары по корпусу и ногам чередовались с колющими. Все время приходится отступать и защищаться, гном наседает. Особо сильный удар сверху принимаю на вытянутых руках и понимаю – зря, открылся. В следующее движение кулак, сжимающий рукоять, врезается мне в живот. Дыхание перехватило, я лихорадочно замахал перед собой гартогом, лишь бы отогнать гнома и дать себе продышаться. Сильный удар клинком по клинку сбивает мой гартог к полу и тут же рубящий удар в правую руку, из раны на плече потекла кровь. Запоздало пытаюсь отбить новый укол в грудь, лезвие гномьего клинка оставляет на моих ребрах еще одну рану. Внутри все похолодело, я понял, что гном не шутит, этот гад пытался меня насквозь проткнуть. От злости я изо всех сил стал рубить и колоть эту бородатую сволочь. Гном же, несмотря на свои габариты, легко уклонялся от моих ударов и молниеносно контратаковал. Мои попытки войти в клинч он жестко подавлял ударами рукояти в живот или голову. Получив еще с десяток порезов, я выдохся, перед глазами все плыло, пот и кровь заливали глаза из рассеченной брови. Руки стали красными от натекшей с порезов крови. В отчаянии я бросился на гнома в последнюю атаку, из последних сил молотя его обоими концами гартога. Ярость и страх сплелись в один клубок, я остервенело принялся рубить врага, получи… на… получи… – гном отступал. Вдруг он исчез, я по инерции провалился вперед, правая нога подломилась от удара, и в голове взорвалась бомба.

Дед

Парнишка, как бык, попер на Торнгрима, гнома явно шатало под сильными ударами. Улучив момент, тот поднырнул под очередной удар клинка, подсек древком колено и плашмя ударил лезвием по затылку. Андрей рухнул как подкошенный.

– Мэтр Элькарин, он ваш, – широко улыбаясь, пробасил гном.

Из дверки появился мэтр, а за ним его ученик с походным набором лекаря.

– Приступай, Атамил, и считай это экзаменом по оказанию первой помощи, – сообщил он ученику.

– Ну, что скажешь?

Гном посмотрел на старика:

– Дурковатый, конечно, но это мы исправим, а вот силен твой внучек немерено.

Тем временем Атамил закончил осмотр и принялся бинтовать раны на теле Андрея.

– Мэтр, у него хорошая регенерация, кровь уже свернулась.

– Хорошо, Атамил, в сознание не приводи пока, пусть спит.

– Завтра последний день уходящего лета, – вдруг сообщил дед и помрачнел.

– Андрей, давай вставай, умывайся, одевайся, сегодня важный день, – разбудил меня криками снизу дед.

Я попытался вспомнить, как здесь оказался. Вспоминался бой с гномом и… все, дальше как отрезало.

Тело было покрыто многочисленными бинтами, под которыми чесалось и зудело. Пока я завтракал крынкой молока и плошкой творога, дед поведал мне о причинах переполоха. Сегодня был Последний день перед новолетием. В этот день было принято заканчивать все дела, отдавать долги и выбрасывать все ненужное, скопившееся за лето. Начали мы с генеральной уборки избушки, вымыв и выскоблив все полы и стены, мыл, конечно же, я, а дед руководил.

После уборки мы с дедом отправились на базар, прикупить новой одежки и мелочей. Надо сказать, что за луну я успел скопить аж шесть серебряных и тридцать пять медных монеток. Это было платой за починенные мной вещи. Я порывался отдать их деду в счет всех тех денег, что он на меня потратил. Но он утверждал, что ничуть не потратился, и лечился и кормился я с тех крысиных хвостиков.

На базаре было людно и шумно. Торговцы всевозможными товарами располагались ровными рядами, чувствовалась какая-то организация. А между ними толклись сотни людей, наряженных в свои лучшие наряды. Кто-то степенно прогуливался и демонстративно приценивался. Другие орали до хрипоты, торгуясь за бочку соленых огурцов. На углах и перекрестках рядов стояли помосты с магами-недоучками, певцами и циркачами. Они развлекали народ чем могли, пускали в воздух огненные шары, пели похабные и героические песенки, был даже кукольный театр. Детишки были в восторге от его нехитрых представлений.

Мы пошли в ткацкие ряды, где под присмотром деда я сторговал себе пару штанов, две простые рубахи и одну парадную. Из темно-синего шелка, с вышивкой узором по воротнику, она и в моем мире стоила бы недешево. Здесь пришлось отдать три серебрушки.

Надо сказать, что на десять серебряных монет в городе можно жить целую луну. Десять медяков стоил приличный обед, за пять медяков можно снять на ночь кровать в общем бараке. Сто медяшек равнялись серебряной монете, сто серебряных – золотому, это был здоровенный кругляш граммов сто весом. Часть монет сохранились еще со времен империи и были защищены алхимическими добавками от подделки. Имперские монеты были в ходу у всех рас и являлись самой твердой валютой.

Отправив деда пораньше в баню, у этих стариканов оказалась своя такая же традиция, я остался на базаре один. Прогуливаясь по рядам, купил пару пирожков с капустой за медяк у мелкой, конопатой девчонки. Пекла их явно ее бабулька, стоявшая рядом, но мелкая уверяла меня, что всячески ей помогала.

Я уже давно думал, чем бы отблагодарить деда, а тут и праздник, Новолетие как-никак. И я решил подарить ему новую трость. Я уже устал бродить по рынку и отчаялся найти торговца, как ко мне подошел щуплый парнишка и спросил:

– Слышь, паря, это ты, что ли, трость ищешь?

– Ну предположим, что я, и чего? – принял я его манеру разговора.

– Пошли, покажу, – и он махнул вихрастой головой в сторону выхода с рынка.

Я откровенно заржал:

– Может, мне еще и самому ее сделать?

Парнишка искренне удивился:

– Зачем самому, мой отец делает. Ему как ногу деревом раздавило в молодости, так он в столяры и подался. Всякую мелочь, шкатулки, игрушки, трости и ножны он дома делает.

– Ну пошли, – все еще сомневаясь, протянул я.

– Да тут не далеко, – засуетился паренек, – наш дом на Деревянной улице сядьмой по счету.

Я все же опасался, вдруг это какой бандюган. Заманит да прирежет ради пары медяков. Паренек привел меня к красивому домику, как из сказки, с резными ставнями и таким же крылечком, конек крыши венчал деревянный орел, распахнувший крылья. На бандитское логово не похоже, подумал я.

– Батя, я тебе покупателя привел, – с порога заголосил парнишка.

– Здравствуйте, – поздоровался я, входя в дом.

– И тебе не хворать, – так знакомо и слегка грубо откликнулись из угла.

За верстаком, усыпанном стружками, сидел широкоплечий усатый мужчина средних лет.

– Что купить желаете? – он махнул рукой в сторону стены, заставленной различными поделками из дерева.

– Трость хочу купить дедушке, его совсем уж поизносилась. Из особых пожеланий должна быть крепкой, чтобы выдержала дорогу, и полезной, чтобы если что, и защитить смогла.

Мужик улыбнулся в усы:

– Есть подобная у меня, но сойдемся ли в цене?

– Дак товар-то увидеть надобно, чтоб оценить по достоинству, – включился я в игру.

Спустя полчаса и оставив у столяра почти все свои оставшиеся деньги, я отправился с покупкой домой. Там, наскоро припрятав подарок под кроватью, с чистой совестью пошел в баню к деду.

Старички уже порядком напарились и сидели, грели свои старые кости на приступках. Я тоже помылся, и пока дедульки перебирались в бар, заглянул к местному парикмахеру. Тот, лихо орудуя опасной бритвой, сбрил мою жиденькую бороденку. По здешней моде зачесал мои отросшие волосы назад и собрал в некое подобие куцего хвостика.

Перед всей честной компанией я предстал во всем своем великолепии. Гладко выбритый, вымытый, стильно причесанный, с брутальными шрамами на торсе и проступившими кубиками пресса. Мое появление было встречено насмешливыми возгласами и шутками, что мальчик созрел, пора ему жениться. Дед, увидев меня, побледнел и во все глаза пялился на меня, будто впервые видел.

– Дед, ты чего? – забеспокоился я. – Тебе плохо?

– Нет-нет, со мной все в порядке, – принялся отмахиваться дед, его лицо медленно розовело. Однако некоторое время он продолжал рассматривать меня и на его глазах выступили слезы. Дед тут же постарался спрятать их в кружке с пивом.

Старички опять ударились в воспоминания, но на этот раз дед молчал и продолжал накачиваться пивом. Вскоре пришла дородная тетка и попросила нас освободить помещение, баня закрывалась. Мой дедулька к тому времени нажрался в дрова. Едва переставляя ноги, он висел на мне всю дорогу до дома. Я дотащил его до самой кровати, усадил и уже хотел стянуть с него сапоги. Вдруг дед мертвой хваткой вцепился мне в плечи и принялся бормотать:

– Прости, прости меня, Ариман… я не успел… прости меня. – Дед заплакал.

– Все хорошо… – начал было я.

Дед встрепенулся и сквозь слезы запричитал:

– Ариман, прости… я не смог… прости меня, сынок…

– Прощаю – сдуру ляпнул я.

– Благодарю, Ариман… – с плеч деда будто рухнул камень, он обмяк и впервые за вечер улыбнулся, я быстро уложил его на кровать. Дед порывался еще что-то невнятно бормотать, хватал меня за руки, но пиво наконец одержало верх, и он оглушительно захрапел.

Я лежал в своей кровати и никак не мог уснуть, слишком бурным выдался вечер. Завтра, в самый длинный день лета, Новолетие и мой день рождения.

Была жара… На этот раз я проснулся раньше деда. Сбегал к соседке и выпросил у нее кувшинчик рассола. Когда я вернулся, дед уже стоял над умывальником и со стонами плескался в тазике.

– Держи, поправь здоровье, – протягиваю кувшинчик с рассолом. Старичку явно было стыдно за вчерашнее. Он упорно прятал от меня глаза.

– Дед, не переживай, я все понимаю, что было, то прошло. Улыбнись, сегодня же Новолетие и у меня день рождения, – радостно сообщаю ему новость. Дед поперхнулся рассолом, закашлялся. Я принялся похлопывать его по спине. – Ну, ну, чего ты? Или у вас дни рождения не празднуют?

– Садись, я попытаюсь рассказать. Но сначала я хочу попросить у тебя прощения за вчерашнее, не следовало мне так напиваться.

Я кивнул. Дед еще секунду помялся и начал говорить.

– Сорок пять лет назад я потерял сына. Мы сильно поссорились, неважно из-за чего, но он ушел. А потом мне сказали, что мой сын погиб. Ты… Ты очень на него похож. Эта прическа, гладко выбритый подбородок… Я даже решил, что ты его воплощение… призрак прошлого…

– Это его меч?

– Да… все, что осталось… – дед рукавом стер набежавшую слезу.

– Так ты усынови меня, или увнучи, как правильнее сказать. Научишь меня семейному делу, где, какие корешки собирать. А я, как примерный внук, помогать стану, заботиться, да и веселее вдвоем-то. Ну как, дед, согласен? – и я приобнял его за плечи.

– Кстати, погоди минутку, – я метнулся наверх, достал из-под кровати подарок и вернулся.

– Вот с Новолетием тебя, дедуль, – торжественно вручаю ему завернутую в холстину трость.

– Хех, – дед слегка опешил, но от подарка не стал отказываться. Развернув холстину, он повертел трость в руках, встал, прошелся подбоченившись. Рост его я заранее прикинул, так что с размером не ошибся. Новая трость деду нравилась.

– Что ж, внучек, тогда сегодня гуляем, а завтра за работу. Пойдем!

День только начинался, несмотря на уже начавшуюся жару, на улицах было многолюдно. Всюду бегали дети, сновала красиво наряженная молодежь. Дед отвел меня за город на поле. Здесь собирали сцену, а за ней стояли пять огромных, в два моих роста, бочек. Не желая оставаться без дел, я включился в работу по сборке помоста. Пока мужики строили, девушки украшали цветами и лентами столы и сцену. Они же накрывали на свежесобранные столы еду и

питье, стреляя глазками в молодых парней. Мне тоже достался оценивающий и озорной взгляд от девчушки в синем платьице. Работы было много, но и желающих помочь хватало.

К полудню все было готово, помост собран, столы накрыты. На помост в сопровождении богато наряженных особ взобрался человек в строгом военном мундире серого цвета. На его груди блестело два ордена, а на перевязи сбоку болтался самый простой меч. Этот меч резко контрастировал с украшенными каменьями и золотом собратьями, которыми была вооружена его свита. Толпа начала стихать и поворачиваться лицом к начальству. Дед, невесть откуда взявшийся рядом, ткнул меня локтем в бок и прошептал:

– Гляди, вон полковник Хараг Толстый.

– Че-то он не больно толстый, – с сомнением шепчу в ответ.

– Ха, что правда, то правда, говорят, он в молодости был очень толстым, вот и прилипло прозвище.

Над полем раздался мощный, казалось, усиленный динамиками, голос.

– Дорогие жители и гости Верхнего Новгорода, поздравляю вас с Новолетием. Это лето 728-е станет началом новой вехи в истории нашего города. В целях обеспечения безопасности горожан мною принято решение о начале строительства стены вдоль рва.

В толпе одобрительно загудели.

Дальше он толкнул речь в духе наших президентских выступлений, о стране и ее великом будущем, о мудром короле Нимроне Третьем, да продлятся его дни. Вслед за полковником вперед вышел маг, толпа перед сценой расступилась. Все замерли, маг, взмахнув руками, театрально, нараспев прочитал заклинание, и в воздухе повисло напряженное ожидание. Спустя несколько минут в небо рванул столб ярко-белого пламени. Толпа радостно загомонила, закричала, все кинулись обниматься и поздравлять друг друга. Планета приблизилась к солнышку максимально близко и полетела на новый виток. Народ смешался, люди, гномы, эльфы бродили меж столами пили, ели, где-то уже затянули песни. Народ тут явно не голодал, так что угощение на столах было бесплатным. Помимо этого каждая хозяйка в городе готовила на застолье свое коронное блюдо.

Руководство освободило сцену, и на нее полезли музыканты. Вперед вышла грудастая матрона и затянула песнь. Постепенно народ втягивался, и скоро все поле ревело что-то похожее на гимн. Я же просто мычал, не зная слов. Пение гимна плавно перетекло в стихийный концерт, на помосте разыгрывались сценки, читались стихи, кто-то попытался по пьяни устроить собственное шоу. Но его под свист и смех толпы быстро стащили со сцены. Я гулял вдоль столов, потягивая понравившийся кувшинчик кваса. Есть старался только знакомые продукты, сейчас это была жареная куриная ножка. Вдруг меня буквально за шиворот потащили и усадили за стол парочка гномов. На столе стоял пузырь с мутной жидкостью, и гномы, быстро разлив это по кружкам, начали квасить. Все время спрашивая меня, зачем я, такой правильный гном, сбрил бороду. Наврав, что сбрил ее на спор, я кое-как сбежал от этих синяков. Бутыль первача литров на десять исчезала в их глотках как вода.

Следующим стал смутно знакомый, голый по пояс парень, ухватив под локоть, он с воплями: «Ну мы им щас покажем, щас покажем» – потащил меня сквозь галдящую толпу. Парнем оказался Атамил, раскрасневшийся от выпитого, без хламиды ученика и врачебной шапочки я его с трудом узнал.

– Вот наш десятый! – заорал он, проталкивая меня в круг, образованный зрителями. Судя по всему, здесь готовилась давняя забава стенка-на-стенку. На половине участников был повязан пояс из красного шелка, у других белого. Какой-то мужичок, видимо из организаторов, стянул с меня рубаху и быстро повязал на поясе красную тряпку.

– Уважаемый, а какие правила?

Мужик сначала удивленно на меня глянул, потом быстро пояснил:

– Правила простые, до смерти не бить, не калечить, по яйцам не пинать, кто упал, того тоже не пинать. Задача – сорвать пояс с противника.

Атамил затолкал меня в строй разогретых изнутри и снаружи бойцов.

– Андрей, Тормил, Гардун, вашей задачей будет охват с флангов и выбивание зазевавшихся противников. Остальным задача – валить всех подряд.

– Все вперед, мы победим! – прохаживаясь перед кривым строем, орал Атамил. Наконец все выстроились, и давешний мужик, сунув пальцы в рот, громко свистнул. Поехали! Не успел я опомниться, как на меня понесся, растопырив ручищи, здоровенный детина. Он уже сграбастал моих крайних товарищей своими руками и намеревался подмять еще и меня под собой. Встречаю его прямым ударом ноги в живот. Здоровяка согнуло в дугу, глаза чуть не вылетели из орбит, рот распахнулся. Вывернувшийся из его захвата парень с правой засадил здоровяку в ухо и сорвал с него пояс. В центре уже месились, не разбирая своих и чужих. Быстро оббежав спины, опоясанные красными поясами, я выскочил на двух белых решивших, как и я, зайти с тыла. Увидев меня, ближайший противник раскинул руки и устремился с воплем ко мне. И чего они все обниматься лезут, подумалось мне. Я свалился ему под ноги, и противник, кувыркнувшись, со всего маху впечатался мордой в траву, обняв землю. Второй не стал ждать, пока я полностью поднимусь на ноги, и принялся охаживать меня кулаками со всех сторон. Стоя на одном колене, голову я прикрыл руками, пару раз ощутимо прилетело по ребрам и спине. Внезапно град ударов прекратился, мимо моего лица мелькнули чьи-то ноги, а сверху обрушилось с матюками тело. Меня придавило к земле, по спине прошлись, как по бульвару. Я лишь успел снова прикрыть руками голову. Сверху посыпались еще тела, стало трудно дышать. Вокруг радостно завопили, заулюлюкали. С меня стащили павших, и я смог перевернуться на спину. Вздохнув, расправляю помятые ребра. Надо мной стоит Атамил и улыбается в тридцать два зуба, лицо измазано кровью и грязью.

– Андрей, ты живой? – как-то буднично спросил он и протянул руку, помогая подняться.

– Да, более или менее, вроде ничего не сломали.

Я осмотрелся, на поле лежали еще трое, включая моего здоровяка, ухо которого уже превратилось в огромный пельмень, над ними уже колдовали медики. Парни из разных команд радостно обнимались, похлопывая друг друга по плечам. Самые расторопные из них обжимались с визжащими девчатами.

– Тогда пойдем, отмоемся и за стол, – снова потащил меня за собой Атамил.

Мы ополоснулись из ведра водой, набранной прямо изо рва. Воду в этот ров отвели от речки, и она была чистой и прохладной.

Удивительно, как быстро и незаметно прошел день, уже вечерело, всюду зажглись факелы. Я сидел с Атамилом за столом, ломившемся от разной снеди. Однако покушать здесь любили, в отдалении на огромном костре готовился целый бычара. Запах жареного мяса смешивался с пряными запахами трав и специй. Большинство семейных уже разъехалось, исчезли старики и дети. Праздник плавно переходил в молодежную тусовку. На стол передо мной поставили тарелку с парящим мясом, густо посыпанным зеленью и нарезанными овощами. Рядом на лавку уселась знакомая девушка в синем платье.

– Угощайся, – тихо пробормотала она и, ухватив кусочек, принялась его уплетать.

– Благодарю, – также тихо пробормотал я и сначала неуверенно стал пробовать мясо. Вкус был отменный, в меру соленое и перченое, оно просто таяло во рту. Девчонка сидела рядом и явно чего-то ждала.

– Потанцуем? – И пока она не успела опомниться, потащил ее из-за стола к сцене. Там вовсю наяривал маленький ансамбль незатейливую, но очень заводную мелодию. Вытащив ее за руку в круг, я неуклюже повальсировал, придерживая девушку за талию. А потом прижал ее к себе и зашептал на ушко:

– Я совсем не умею танцевать, ты мне поможешь.

В ответ она звонко расхохоталась и, разорвав дистанцию закружилась вокруг меня, как бабочка. Ее звали Яра. Она учила меня танцевать и смеялась над моими движениями. Мне захотелось ее поцеловать, и она ответила взаимностью. Оттолкнув меня, Яра, смеясь, побежала в темноту, я за ней. Догнал в высокой траве, она, смеясь, свалилась в нее, я упал рядом. музыка стихла в отдалении. Ее волосы пахли ягодами.

Проснулся я от холода. Солнце только-только показалось над горизонтом. Густой туман уползал обратно в реку. Яры нигде не было видно, лишь ощущения от проведенной ночи и голубая ленточка с ее волос говорили, что это был не глюк. Одевшись, я поспешил обратно в город, по дороге то и дело натыкаясь на голые парочки, спящие в обнимку. Дед встретил меня на пороге дома.

– Ну, как погулял? – осведомился он, ухмыляясь.

– Я это… ну в общем, хорошо… но тут такое дело… Дед, а как у вас с сексом до брака дела обстоят?

– С чем? – опешил дед.

– С деланьем детей, – пояснил я.

– Ах с этим. Да ты не переживай, нет, конечно, если понравилась, можешь найти и жениться – успокоил меня дед.

– То есть любовь до брака это норма?

– Не совсем так, если ты какую девицу совратишь, ее родня и побить тебя вправе. С замужних другой спрос, тут полюбовника муж вправе уже прирезать. Но на Новолетие таких запретов нет. Соглашаясь отведать еду или питье из одной посуды с угостившим тебя, ты принимаешь его предложение провести ночь вместе. Чем она тебя угощала? – осведомился дед.

– Мясо принесла, – радостно вспоминая, ответил я.

– Ну хватит о девках, у нас полно работы. Давай переодевайся, бери оружие, мешок и пошли, – дед кивнул на стол. Простая рубаха и прочные кожаные штаны, на ноги портянки и предки ботинок со шнуровкой. Арбалет смазан и проверен, в берестяном тубусе два десятка болтов. Вещмешок, мельком проверяю его, набит продуктами. По военному разворачиваюсь и вскинув ладонь к виску рапортую:

– Готов к труду и обороне.

Дед стоит в дверях и держит в руках гартог.

– Это тебе мой подарок на день рождения, внучек. Теперь ты готов. – С этими словами он вручил мне оружие.

Рукоять испещрена мелкими зарубками и царапинами, обмотка слегка потерлась в местах хвата. Гартог был не новый и, видимо, не раз бывал в драках. Клинок зачехлен в кожаные ножны, у основания веревочка – дерни и чехол раскроется.

– Благодарю, дедуль.

Город мы покинули, когда солнце уже показалось над верхушками деревьев. Несмотря на всего пару часов сна и пятнадцать килограммов груза за плечами, шагалось удивительно легко. Рядом шагал дед, опираясь на новую трость. Он нес за плечами прямоугольную корзину, забитую склянками и баночками под ингредиенты. Не успели мы отойти и на сотню шагов, как нас догнала телега, возница предложил нас подвезти до Косогоров. Дед подумал и согласился.

Через пять минут стала ясна причина столь благородного порыва возницы. Ехать одному ему было скучно, и, как многие шоферы такси, он любил поболтать в дороге. Его было просто не заткнуть. У кого телка отелилась, у кого пшено не уродилось. Дяденька был находкой и одновременно кошмаром для шпиона. Пока мы ехали на его колымаге, он все вываливал и вываливал на нас все новости, что услыхал в городе и все сплетни из дома. Он не переставал трещать, даже когда мы с ним прощались на развилке.

Оставшись, наконец, вдвоем, мы шли еще двое суток по имперскому тракту к местам нашей первой встречи. Вдруг дед остановился и хлопнул себя по лбу.

– Совсем из головы вылетело, я же тебе книжку купил, – и раскрыв плетеный короб, выудил из него пухленький ежедневник в мягком кожаном переплете.

– Вот, изучай, к зиме ты должен выучить ее на зубок, – выдал дед и зашагал дальше. Книжечка оказалась чем-то вроде справочника по алхимически ценным и полезным растениям и животным. Судя по качеству, у здешних обитателей было вовсю налажено книгопечатное дело. Красочная картинка, краткое описание, способ заготовки и хранения. На новом языка читалось с трудом и по складам.

Спустя пять дней пути по буреломам и оврагам мы забрели в довольно мрачное место. Высокие и раскидистые деревья подавляли всю растительность внизу. Несмотря на яркий солнечный день, под их густыми кронами царил полумрак. В тяжелом, затхлом воздухе витали ароматы гнили и какой-то кислятины. Дед осмотрел подножия нескольких деревьев. Рядом с двумя воткнул в землю вешки. Удовлетворительно кивнув, он сбросил корзину и скомандовал привал. Мы перекусили хлебом и салом. Пока ели, дед объяснял.

– Полезешь вот на это дерево, – указал он на стоящий рядом в два обхвата ствол.

– Наверху ищи зеленых жучков размером с палец. Днем они обычно кучкой висят, как плод, руками их не трогай, тряси ветку или сбей палкой. В центре роя есть черная королева, вот ее нам и нужно.

Я полез вверх по веревке, заброшенной дедом ранее. Добравшись до нижних ветвей, остановился передохнуть, но дед снизу стал торопить, мол, нечего рассиживаться, набрали и убежали. Пришлось лезть выше. Кислый запах все усиливался. Оказавшись выше первого яруса листьев, я осмотрелся, в паре метров надо мной, прилепившись на развилке толстой ветки, торчал вверх пульсирующий и подрагивающий шар. Сначала я попробовал попрыгать на ветке, но уж больно толстой она была. Выломав ветку подлиннее, я таки столкнул склизкий шар из насекомых на землю. Меня окатило вонью, будто от протухшей бочки огурцов. Снизу заорал дед:

– Отлично, давай еще парочку таких же.

До конца дня мне пришлось залезть еще на десяток деревьев, прежде чем дед признал годными пять королев и засунул каждую тварь в отдельную банку. Потом я, как обезьяна, лазил по деревьям, похожим на пальмы, и искал в их макушках синеньких жучков, которые любили лакомиться соком с молодых побегов.

Дед, узнав, что я никогда не охотился, игуаны-падальщики не счет, назначил меня вечным дежурным по кухне. Благо не приходилось тратить время на заготовку дров. Здесь был аналог нашего сухого горючего. Плоский камень размером с блюдце, капаешь на него из склянки пару капель алхимической жидкости, и он часа три горит ровным жарким пламенем. Закончил готовку, смыл остатки жидкости водой или просто стряхнул с камня, и он потухнет. Удобная штука.

Как бы то ни было, пришлось учиться готовить из натурпродуктов. Не то чтобы я не умел готовить, но в лесу нет холодильника, и любую подстреленную дичь приходилось сначала освежевать и выпотрошить. Так в процессе поиска алхимических травок я вдобавок искал просто полезные травки, смотрел по сторонам на предмет, кого можно съесть, а от кого лучше бежать. Набрав на деревьях с десяток бутонов растения под названием тещин язык, уж не знаю, кто его так назвал, но само растение было длинным, колючим и ядовитым. Весь его широкий красный стебель усеивали мелкие крючковатые шипы. Стоило насекомому вляпаться в такую болтающуюся ленту, как растение сворачивалось в рулончик и пряталось в бутон, как актиния.

Набегавшись, я всего на минутку присел отдохнуть на корни высохшего старого дуба. Вдруг из кустов выскочил дед и с круглыми от ужаса глазами зашептал мне:

– Андрей, аккуратно и медленно встань и иди ко мне.

Я попытался понять, что не так, и закрутил головой.

– Не вертись, дубина, медленно иди ко мне.

Шаг. Второй…

– Беги-и-и, – заорал дед.

За спиной заскрипело, затрещало, я не выдержал и прыгнул с места. По спине будто оглоблей перетянули, от удара я влетел прямо в расставленные руки деда.

– Жив, – облегченно выдохнул он, – давай поднимайся, поднимайся.

Слегка оглушенный, я силился понять, кто это меня так приложил и чем. За спиной стоял треск, свист и стоны, будто стадо слонов через лес ломилось. Дуб ожил и махал ветками, силясь до нас дотянуться. В шершавой коре на уровне моей головы разинулась пасть, и снова раздался стон-мычание.

– Древень, матерый, зараза, – хмыкнул дед.

– Что еще за древень такой, – с нотками истерики завопил я.

– Дак вот он перед тобой, ожившее дерево – попросту древень. Жрет любых животных, до каких дотянется, может даже ползать, но медленно.

Словно в подтверждение слов деда, земля под дубом вздыбилась, из нее полезли белые корни. Они как змеи извивались по земле, и древень медленно пополз, опираясь на них.

– И чего делать будем?

– А чего тут сделаешь? Сжечь мы его, конечно, можем, но толку-то, огонь и сердце древня спалит. Пойдем, он успокоится, когда перестанет нас ощущать.

И начни чтение с главы о лесных обитателях, чтоб знать, куда садиться не стоит.

– А как же языки, я их целую кучу набрал?

– Да ладно тебе, на обратном пути наберешь еще. Все равно эта тварь не даст нам спокойно работать, сейчас еще на его стоны сбегутся падальщики.

Наскоро собрав вещи в лагере, мы поспешили прочь от древня, который все еще бушевал в лесу. Собрались мы быстро, пока я паковал посуду и заготовленного для обеда кролика, дед складывал то немногое, что удалось собрать сегодня. Покинув мрачный лес, мы пошли к горам. Деревья истончились, и вместо зеленых великанов вокруг стали расти корявые, низенькие деревца, из последних сил вгрызающиеся в камень.

На границе леса по опушке протекала небольшая и быстрая речушка с просто ледяной водой. Впереди до самых гор простиралась каменистая равнина с островками бурой растительности. Здесь предстояло найти последний ингредиент из списка – корень Магнуса. Судя по информации из книги, он обладал мощными галлюциногенными свойствами. Применялся для создания микстур, расширявших сознание и магический потенциал. Полезная, надо сказать, книжка, но читать эти руны был тот еще геморрой. Дед помогал мне в сложных местах, и вскоре я уже навострился читать по складам.

Ко всему прочему, дед учил меня науке выживания, где искать воду, вставать лагерем, как обезопасить себя от ночных визитеров. Приучал везде и всюду быть при оружии. Частенько он вколачивал в меня эти новые знания подаренной мною же тростью. Один раз дед подловил меня со спущенными штанами, когда я отошел по нужде. Я было дернулся к неподалеку лежащему гартогу, но дед был ближе. Цапнув рукой воздух, я запутался в штанах и упал на колени. Свистнула трость, и на мою голую задницу обрушился хлесткий удар.

– УУУаааааа!

– Сколько раз тебе говорить, держи оружие под рукой, – охаживая меня палкой со всех сторон, приговаривал дед.

Спустя сутки дед устроил еще парочку засад для проверки, но дальше вытянутой руки я гартог с того дня не отпускал. Этой же тростью стимулировался процесс утренней разминки. Я не обижался, поскольку порой и правда бываю жутко ленивым. Думается, если бы меня так же стимулировали в детстве, я бы не бросил кучу различных кружков и секций. Тогда сегодня

я мог бы похвастать навыками самбо, карате, фехтования ну или, по крайней мере, легкой атлетики. Ох уж эта проклятая лень, которую сегодня выбивает из меня палкой дед.

На шестой день дед начал откровенно нервничать. Иногда он отправлял меня вперед со всем барахлом, а сам налегке, вооружившись арбалетом, возвращался назад по нашим следам. Я несколько раз спрашивал его о причинах, но он отмахивался и продолжал быть настороже. Наконец вечером, сдавшись, он усадил рядом и, глядя в глаза, рассказал.

– Может, я старый дурак и мне лишь чудится, но запомни одно, здесь, на пустошах, друзей нет, даже просто прохожих нет. Только враги! И поверь, они убьют нас без колебаний.

Очередное утро началось с гимнастики и комплекса базовых стоек и движений с гартогом. После разминки я, подхватив котелок, побежал за водой к примеченному ранее родничку. Вода была кристально чистой, умывшись и напившись, я наполнил котелок и все так же бегом поспешил обратно. Уже подбегая к лагерю, я услышал шум и крики. Осторожно выглянув из-за камня, я увидел катающегося по земле деда, над ним столпились трое зеленых чучел. Выглядели они, как наши папуасы, на бедрах то ли юбки, то ли шорты из шкур, на груди ожерелья из зубов. В длинные остроконечные уши у каждого было вдето не меньше дюжины колец. Они пинали деда ногами, прыгали на нем и тыкали в него тупыми концами копий.

Ставлю осторожно котелок на землю и не сводя глаз с зеленушек, нашариваю камень поувесистей. Булыжник размером с кружку удобно лег в правую руку. Я выскочил из укрытия и, не добегая пяти шагов, швырнул булыжник в стоявшего ко мне спиной коротышку. Камень угодил ему между лопаток, и карлика будто ветром сдуло с деда. Рывок в сторону левого, он уже видит меня и готовится заорать. Рот распахнут, глаза выпучились, лезвие гартога с хрустом пробивает его живот, и вместо крика изо рта хлещет кровь. Справа раздается визгливый бабий вопль. Насаженного на гартог, будто муха на булавку, карлика я легко отрываю от земли и швыряю им в голосящего. Широкое лезвие разрубило позвоночник, и в полет отправилось уже располовиненное тело. Из распоротого живота вылетели сизые кишки. Вопящий развернулся, собираясь дать деру, но споткнулся, схваченный за ногу рукой деда. И тут же, получив по голове верхней половинкой своего собрата, свалился на землю. Подскочив к упавшему, я приставил гартог к его шее и проорал:

– Не двигайся!

Карлик замер, жалобно скуля и подвывая. Мелкие поросячьи глазки с ненавистью и страхом смотрели на меня из-под кустистых бровей. Нос широкий и плоский, как у горилл, пузырился соплями. Рот был растянут то ли в улыбке, то ли в оскале и полон мелких, острых зубов. На макушке, промеж длиннющих ушей, как мочалка торчал пучок сальных бурых волос.

– Дед, ты как там? – не решаясь убирать лезвие от шеи карлика, спросил я.

Дед заворочался на земле, сел, охая и морщась, все его лицо было залито кровью, а борода слиплась в ком грязи. Он глянул на распластанного карлика, сплюнул кровью и сухо и четко приказал: – Добей его!

Осознать сказанное я не успел, руки сами дернулись и кончик клинка скрежетнул по камням, пробив коротышке горло.

– Проклятые гоблины, выследили-таки, – он кряхтя стал подниматься на ноги. И тут до меня дошло: это не компьютерная игра, я только что убил двоих живых люд… нет, не людей, гоблинов, но живых и разумных. В нос шибанул запах крови, дерьма и смерти. Меня скрутило и стошнило мутной жижей. Дед, недоуменно посмотрев на меня, присел рядом и спросил: – Первый раз, что ли?

Я закивал головой, стараясь смотреть вдаль на горы.

– Ну это нормально, накось глотни, – и дед, выудив из-за пазухи кожаную фляжку, протянул ее мне.

Откупорив пробку, я ожидал там коньяк или чего покрепче, но спиртом и не пахло. Я хлопнул глоточек, и мне сразу полегчало. Холод в животе прошел, голова наоборот затумани-

лась, полезли мысли, как приятные, так и не очень. Мир вокруг качнулся, краски поблекли. Голос в голове прогудел как колокол: «Это БОЙ, или убей, или умри». Равнина приобрела очертания выжженной, истерзанной воронками взрывов земли, горизонт почернел от дыма, вдалеке сверкали молнии. Пулеметные трассеры, словно огненные плети, хлестали по земле. Небо с воем прочертили следы реактивных снарядов, а прямо над головой с гулом пронеслись крылатые тени, заставляя пригнуться. С очередной молнией в голову влетела шальная мысль: «Я победил. Победил в бою!!!» Я подскочил, вскинув вверх руку с гартогом, и заорал во весь голос: – АААААА.

На равнине поднимались призрачные люди, они выскакивали прямо из под земли. Донеслось тихое, но такое сильное: «Уррраааааа». Ударила молния.

– Очнулся наконец, воин? Эк тебя сплющило-то после отката, до обеда считай провалялся.

Рядом сидел дед и мешал в котелке похлебку, пахло одуряюще. Он хоть и раскрыл мне ее секрет, но так вкусно у меня не получалось.

– Дед? Чего со мной опять случилось?

– Думается, это тебя безумным алхимиком приложило. Ты как из фляжки-то моего отварчику глотнул, зарумянился, сразу заулыбался. А потом как начал иллюзии колдовать, одна другой краше: взрывы, огонь, грохот.

Я раскрыл рот от удивления.

– Ты все это видел?

– Конечно, как я уже говорил, у тебя очень яркие и объемные образы. Ты бывал на войне?

– Нет, даже близко не был, просто видел, краем глаза, – неопределенно ответил я. – А как так получилось, что ты в мои видения попал?

– Так это магия разума, твоя сила и зона ее действия зависят от мага. Я довольно часто попадал под иллюзии, в столице даже есть театр иллюзий. Но обычно в них не хватает либо объема, либо красок или звука. В твоем случае все было очень натурально. Вернемся, проверим тебя на способности к магии разума, а сейчас давай обедать.

Несмотря на воспоминания о побоище, аппетита я не потерял и навернул чуть ли не две трети котелка. Когда мы поели, я принялся отмывать посуду и попросил деда рассказать мне о гоблинах.

– А чего о них рассказывать, глупые, трусливые создания. Живут общинами в пещерах Синих гор и постоянно рыскают по этим пустошам. Устраивают набеги на окрестные деревни, промышляют грабежами, жрут все подряд, не брезгуют и человечиной. На нас наткнулся их разведывательный отряд или кулак, – дед повертел свой кулак перед глазами. – Большак – выставил большой палец, – два воина, – выставил указательный и средний пальцы, – и два новика, – безымянный и мизинец. Он продемонстрировал раскрытую ладонь. – Я успел убить двух воинов из арбалета, прежде чем меня оглушили. Ну а остальных ты. Ты снова спас мне жизнь, сожрали бы они меня, как пить дать.

– Ты спас меня, я тебя, вместе дружная семья, – мигом сочинил я, криво улыбаясь. – Дед, а другие гоблины за нами не увяжутся?

– Нет, я же говорю, они трусливые, если разведка не вернулась, значит, поблизости сильный враг. Запрячутся в своих пещерах поглубже и просидят декаду, ожидая нападения. Пора нам собираться, – крякнув, дед стал собирать вещи в свою заплечную корзину. Я последовал его примеру.

Когда проходили мимо прежнего лагеря, заметил тела убитых гоблинов, от их вида у меня плечи передернуло и по спине пробежал холодок. Дед вздохнул и сказал:

– Их бы сжечь надо, но где тут дрова искать.

Я кивнул и нервно сглотнул, не отрывая глаз от пятерых тел, сложенных рядком.

– Оружие у них было совсем дрянное, ценностей никаких, за уши, правда, казна платит, но возиться с ними неохота. И поправив короб на плечах, дед зашагал дальше. А я, собрав волю в кулак, подошел ближе. Надо приучить себя к виду смерти и трупов. Крупные красноватые мухи взвились над телами, в нос ударил тяжелый сладковатый запах гниения. Тела стали бледно-зелеными и покрылись оливковыми пятнами. Отвратительное зрелище, но я старался смотреть и не сблевануть. Сейчас, даже несмотря на усилившийся запах, мне это удалось.

– Андрей! Чего застыл, прощаешься, что ли?

Я поспешил за дедом, виновато улыбнувшись, подбирая слова, попытался объяснить.

– Нет, дед, просто у нас… я… редко мертвых видел и сам никогда не убивал… вот и решил… привыкнуть…

– Ну к трупам у нас быстро привыкнешь, – прервал мою отповедь дед, – только к смерти нельзя привыкнуть. Небось, переживаешь и думаешь, что зря убил их? А вот хрен там. Они бы нас разделали на мясо еще живыми, да еще бы покуражились напоследок, обгладывая твои пальцы у тебя на глазах.

Глаза его сверкали от ярости, ноздри раздулись, борода встопорщилась. Так мог говорить только человек, который видел это своими глазами.

– Гоблинам живым лучше не попадаться, – закончил он и, повернувшись ко мне спиной, направился к горам. Я, не оглядываясь, последовал за ним.

К вечеру с гор спустились иссиня-черные тучи и подул сильный ветер. Он пах дождем и грозой. Я вдохнул полной грудью, мне всегда нравился дождь.

– Надо найти укрытие, – глядя на проблески молний в далеких еще тучах, пробормотал дед.

Стена дождя уже почти накрыла нас, когда дед отыскал расщелину под каменной плитой. Укрытие было нишей метровой высоты и полутора метров глубиной, в которую мы и залезли, прикрыв подветренную сторону кучей камней. Спустя пару минут наше убежище накрыло падающей с неба водой. Дождь лил как из ведра, вдруг равнину осветила вспышка и спустя пару секунд оглушительно грохнуло. А потом началось что-то совершенно невообразимое.

Молнии били одна за другой, одна сверкнула особенно близко. Уши заложило от грохота, а волосы на теле зашевелились, я посмотрел на деда, он улыбался. Вдохновленный, я принялся созерцать буйство природы, и от увиденного челюсть отвалилась. По небу носилась человеческая фигурка. Ее движения были молниеносны, возникая то тут, то там, на разной высоте порой скрываясь за тучами, она, казалось, ловила молнии. И наконец, поймала свою добычу. Огромный ветвистый разряд в миллионы вольт на мгновение распылил фигурку. А затем вихрь искр закружился и слился в сверкающий шар, который трансформировался снова в фигуру человека.

– Дед, ты видел? Это чего такое, а? – не отрывая взгляда от неба, зашептал я.

– Чего говоришь? – Не услышал за грохотом накатившего грома дед и проследил за моим пальцем. Фигура тем временем снова заметалась по небу, ловя молнию.

– А, это грозовой элементаль, – как-то спокойно и буднично произнес он, – они часто так молнии ловят, питаются ими, наверное.

– А они тоже… разумные?

– Нееет – засмеялся дед, – они воплощение своей стихии – неудержимые, быстрые и смертельно опасные. Как ты будешь дружить с молнией? Давай смотри, но руками не трогай, – и он снова засмеялся. Пока я наблюдал за элементалем, дед приготовил небольшой ужин на огонь-камне из крупы и сушеного мяса. Гроза так же внезапно, как налетела, – закончилась, элементаль пропал вместе с молниями, оставив после себя сильный запах озона. Ветер стих, и только тысячи ручейков нарушали своим журчанием вечернюю тишину. Поев, дед объявил, что пора и поспать, утром дел будет много, и, завернувшись в свой спальный мешок, вскоре захрапел. А я все сидел и думал, в какой странный мир меня занесло. Воплощенные молнии,

что же еще тут есть? Нет, определенно, остаться в одном городе было бы преступлением, я хочу повидать этот мир.

– Повидаешь, какие твои годы, – пробурчал не оборачиваясь дед, – раз не спится, оставайся на страже до полуночи, потом я тебя сменю. И, накрывшись с головой, засопел. Выбравшись из ниши, я залез сверху на каменную плиту и принялся бдить.

В общем и целом финал нашей экспедиции выдался на редкость удачным. Я нашел и выкопал парочку отличных корней Магнуса. Это мне так дед сказал, самому же мне ничего отличного в этих двух корявых, сморщенных морковках не показалось. Набрав еще с десяток этих корешков, мы отправились в обратный путь. Хвала всем богам, никаких гоблинов по дороге домой мы не встретили. Еще десять дней быстрым шагом, и мы вернулись в Верхний Новгород.

Хозяин лавки встретил нас радушно и, быстро осмотрев принесенный товар, признав его годным, расплатился. Когда принесенное по списку было заботливо упаковано и помещено под прилавок, дед выложил попутно собранное. Так вот почему он так возился с коробом, все перебирая да перекладывая собранные травки. На прилавок выкладывались самые лучшие из найденных ингредиентов. Гарин принялся вопить, что это грабеж средь бела дня, но на товар набросился активно. Вдвоем с дедом они принялись яростно торговаться за каждый корешок и травинку. Я какое-то время наблюдал, стараясь научиться здешним реалиям ведения бизнеса, но потом плюнул и стал разглядывать полки. Наоравшись с полчаса, довольные друг другом, эти торгаши, наконец, ударили по рукам. В руки деда перекочевала еще парочка небольших кошелей и горка медных монет.

Сегодня я отсыпался, дед ушел куда-то еще с вечера и оставил меня одного на хозяйстве. Вдруг в дверь постучали. Я пошел открывать, представляя – открываю, а там местная милиция, документики предъявите. На пороге стоял Атамил.

– О-о, Андрей, ты-то мне и нужен.

– Тогда заходи, не стой в дверях, – приглашающе махнув, я посторонился. Помявшись в дверях, эльф таки прошел в комнату и встал у стола. Я притащил пару кружек, плеснул в них холодного ягодного чаю и, усадив гостя за стол, сел рядом.

– Ну рассказывай, зачем я тебе понадобился. Только учти, никакие медицинские опыты на себе ставить не дам.

Эльф усмехнулся, отхлебнул из кружки, поднялся со стула и начал.

– У нас в городе существует молодежная организация вспоможения армии и флота. В ней мы проходим начальную воинскую подготовку, у нас есть свои учителя и помещения. Существуют и командирские курсы. Я предлагаю тебе вступить в наши ряды. Если ты согласен, то через пять дней мы на целую луну отправляемся на сборы в форт Дальний. Там и проведем твое посвящение в новики.

Выдав свою речь, Атамил уселся обратно за стол и присосался к кружке. Я тоже приложился к своей – так, так значит, у них тут свой ДОСААФ. Надо с дедом это обсудить, а то могу вступить, а могу ведь и вляпаться.

– Интересное предложение, но согласись, такое ответственное решение нельзя принимать, не обдумав. Расскажи мне побольше о вашей организации вспоможения. Как она, кстати, называется?

Атамил напыжился, видать, проникся чувством ответственности, и поведал мне следующее. Организация вспоможения армии и флота существует во всех крупных городах. И называлась «Разведчики Дариуса», в честь какого-то генерала давно минувших войн. В отличие от подобной школы стражи, она являлась элитной и, как следствие, платной. Обучение проводили уже не отставные, а действующие военные. Они же водили молодых в неглубокие рейды и давали ощутить вкус крови. Членство в организации давало преимущество при поступлении

в действующую армию и различные академии. Новик – он же кандидат, в течение пары лун тестируется, и либо вылетает, либо становится скаутом и полноправным членом организации. Потом Атамил поведал, что очень рассчитывает на мое согласие, так как с весны их в отряде осталось девять, а я хорошо показал себя в праздничном бою. Также спецы из фортов лучшие искатели и разведчики и многому могут научить, что в моем ремесле будет совсем не лишним. Его доводы показались мне убедительными. Оставался последний вопрос.

– В какую сумму обойдется мне вступление в организацию? – глядя эльфу в глаза, спросил я.

– Ежелетний взнос составляет один золотой, можно частями. Поступление на военную или королевскую службу освобождает от уплаты взносов без утраты членства.

Нифигасе, золотой приличная сумма, для местного крестьянина это пара лет абсолютного безделья. Однако и перспективы вырисовывались интересные. За поход с дедом я заработал чуть больше пятидесяти серебра чистыми. Меня, конечно, чуть пару раз не съели, но дело того стоило. Далее осень, по заверениям деда самый доходный период, да и зимой будет на кого поохотится, проживем. А вот утвердиться в королевстве и поднять свой социальный статус это дело нужное.

– А что за сборы?

– Каждую весну, лето и осень мы отправляемся в форт, где сдаем тесты по военной подготовке, участвуем в кулачных и оружных поединках, также каждый выходит на декаду в рейд с солдатами.

Дверь распахнулась и на пороге появился дед. Он выглядел слегка помятым, но довольным. Увидав за столом Атамила, он осклабился и ехидно спросил:

– Что, агитируешь?

Атамил заерзал на стуле не зная куда себя девать. Я вступился за почти уже друга и соратника.

– Здоров, дедуль, пока все, что он сказал, меня вполне устраивает. Или у тебя есть иная информация?

– Да нет, все правильно он тебе тут сказал, и про привилегии и про обучение.

Дед, положив руку на плечо эльфа, пригвоздил его к стулу.

– Это я так по-старчески шучу, начинание твое одобряю, но учти, что и работать придется за двоих. Так как помимо взносов, нужна форма и походный комплект, провизия тоже за свой счет.

– Договорились, – и я, улыбаясь, протянул руку Атамилу. Он тоже расплылся в улыбке, схватился за мою руку и энергично затряс ее. Странно, но похоже, парень радовался больше меня.

Во время приготовлений дед повел себя, как мама, собирающая сына в первый класс. Он был рад и горд за меня. Я же радовался все меньше. Деньги утекали, как песок сквозь пальцы. Меня протащили по десятку магазинов и оружейных мастерских. В каждой дед тщательно выбирал и мерил на меня куртки, штаны, рюкзаки, обувку. У Гарина мы прикупили походную аптечку и огонь-камень, тот, узнав о моем кандидатстве в «Разведчики Дариуса», расщедрился на десятипроцентную скидку. Наконец собрав все покупки в доме, дед обрядил меня и критически осмотрел.

– Хорошо сидит? Присядь, попрыгай, нигде не натирает?

Я был одет, как бравый спецназовец средневековья. На ногах сапоги со шнуровкой на высоких голенищах. Штаны из специально обработанной, «дышащей» кожи со специальными карманами под вставки. Войлочная жилетка с плечиками. Далее мелкоячеистая кольчуга с рукавами. Поверх нее куртка из толстой кожи и мягкими рукавами, с десятком карманов под противоядия и алхимические снадобья. Большая часть одежды была поношенной, но не ветхой. И наконец рюкзак, похожий на наш, советский, туристический, вечно болтающийся в рай-

оне задницы. Дед заставил меня его раз десять собрать и разобрать, пока я не запомнил порядок укладки всех вещей. Упакованный и снаряженный, я пожалел, что в домике деда нет зеркала.

– Дед, жара на улице, да я сварюсь в этом.

– Ничо, жар костей не ломит, зато целее будешь, – ворчливо ответил дед, одергивая и поправляя меня со всех сторон. Еще раз оглядев меня, он удовлетворенно хмыкнул и кивнул.

– Ну вот, теперь ты одет, как подобает, осталось научить, как все это самому надевать и шнуровать. Раздевайся.

В день отправления старик разбудил меня еще до зари. При свете свечи я оделся и в который раз перепроверил рюкзак и оружие. Спустившись вниз, уселся завтракать, но кусок не лез в горло. Пока я размазывал кашу по тарелке, рядом присел дед.

– Андрей, послушай меня, старика. Приграничье – это не наш поход за корешками и травками. Гоблины и крысы это мелочь, есть гораздо более серьезные противники, и не всех их можно убить клинком. Ты молод и силен, но не дай безрассудству затуманить твой разум, прошу, не повтори судьбу моего сына. Всегда держи оружие при себе и будь настороже даже в форте. За эти две луны я привязался к тебе, ты уж не подведи меня.

Я кивнул, не зная, что и сказать в ответ. Дед тут же поднялся и скомандовал:

– Встать! Смирно! Выдвинуться на место сбора. Я было дернулся к двери и тут до меня дошло:

– А где место сбора?

Дед вздохнул, ухмыльнулся, и махнув мне рукой сказал:

– Пошли к Атамилу, он же твой поручитель.

До домика мэтра Элькарина добрались быстро, из него доносились крики и ругань. Не успел я взойти на крыльцо, как дверь распахнулась, и на меня налетел Атамил собственной персоной.

– П-п-ростите, – пробормотал он, пытаясь попасть рукой в рукав рубашки и одновременно подвязать штаны. Тут до него дошло, кто перед ним.

– Андрей, ты тут. Как хорошо. Я проспал, а мэтр… он так разозлился.

Из глубины дома послышался крик мэтра:

– Несносный мальчишка, ты все еще здесь?

– Мэтр, мэтр он тут, все в порядке, мы не опоздаем, – засуетился Атамил. На пороге появился сам мэтр в распахнутом халате и остроносых тапочках, на голове был смешной колпак. Завидев нас, он смутился и снова набросился на бедного Атамила.

– Чего ты стоишь, как столб, почему еще не собран, посмотри на Андрея. Живо собирайся.

Атамил ужом протиснулся мимо мэтра Элькарина, который лишь чутка подвинулся в проходе и бегом побежал к себе.

– Молодежь, никакой собранности и чувства ответственности, – сокрушенно покачал головой мэтр.

– Да, да, – с готовностью подтвердил дед, тяжко вздыхая. Меня эти старперы будто и не замечали.

– Проходите в дом, я быстро оденусь и мы пойдем. Дед, недолго думая, прошел в гостиную и уселся на диванчик. Я же остался в прихожей. Через пару минут наверху затопали, и по ступенькам скатился Атамил, в его руках был здоровенный баул. Сверху лежали небольшой лук, колчан со стрелами и посох. Осторожно сгрузив свою ношу, Атамил принялся застегивать и поправлять доспехи. Заправил скомканную на животе рубаху в штаны и расправил поддоспешник. Потом одернул ворот кольчуги и стал застегивать на боках ремни на панцире. Похожий на современный бронежилет, он надевался через голову и стягивался ремнями с боков. На левом плече был наплечник в виде головы то ли дракона, то ли ящерицы. Меня больше удивил

материал доспеха: черный, матовый, похожий на резину. Заметив мое пристальное любопытство, Атамил пояснил:

– Это из щитка головы морского змея, его добыл мой дед лет пятьсот назад где-то в южных морях, мне в наследство достался. – И он гордо выпятил грудь с серебряной гравировкой в виде дерева.

Не желая оставаться в долгу, я решил его подколоть.

– А ты слышал про бронежилетку из шкуры с жопы дракона? Говорят, очень прочная вещь.

Атамил выпучил на меня глаза.

– Бронежилетка с жо… дракона? Это как? А ты ее видел? На что похожа, расскажи? – Его глаза горели неподдельным любопытством.

– Успокойся, это лишь история, будет время, расскажу. Давай помогу.

Приподняв баул, набрал-то барахла, не поднимешь, я взвалил его на спину Атамила. Кряхтя от натуги, эльф наклонился за луком и налучем, полным стрел. Ловко подпоясав налуч на манер кобуры, он лихим жестом загнал лук в него. Подобрав свой посох, обитый железом с двух концов, красный от наклонов, эльф был готов. В этот момент в гостиной зашуршало, и из комнаты вышли мэтр с дедом. Подталкивая нас в спины, они принялись выгонять нас из дома, ворча, что из-за нас копуш мы все опоздаем к отправлению. Однако, вопреки моим ожиданиям, мы отправились не к воротам, ведущим из города, а в сторону замка на вершине холма. Улицы постепенно наполнялись снующими по своим делам горожанами. На одном из перекрестков Атамила окликнула парочка снаряженных и навьюченных, как мы, парней, за ними следом степенно шествовали их провожатые.

Первого звали Колин, это был высоченный, на две головы выше меня, блондин, облаченный почти в полный рыцарский доспех. Он был вооружен длинным мечом на поясе и щитом, закинутым сейчас на плечо за спину. Другой был рыжий, румяный и пухленький, по имени Олтан. Этот парень одевался не так броско, если не считать ярко-красного цвета куртки и заткнутых за пояс перчаток в заклепках. Его оружия я не заметил, разве что внушительных размеров кинжал на поясе. Атамил, назвав мое имя, добавил, что я кандидат, и добродушные улыбки моих новых знакомых тут же сменились на ехидные. Ясно, стоит ждать не только официальное, но еще и посвящение внутри группы.

Через полчаса неспешной прогулки, пройдя сквозь высокие стрельчатые ворота, мы оказались на небольшой площади перед замком. Здесь уже находилось несколько десятков разумных. Группа одетых в легкую броню солдат сидели прямо на каменной брусчатке, некоторые явно страдали похмельем. Парочка из них находилась все еще в отключке и громко храпела. Чуть дальше у колодца расположилась компания гномов, их я отличил лишь по бородам, заплетенным в различные косички. Судя по обилию кирок, лопат и прочего инструмента, это были мои братья-строители. В дальнем углу, подальше от всех, у коновязи стоял эльфийский конный патруль, об этом с завистью в голосе поведал мне Атамил.

– Так вот зачем ты лук прихватил, мечтаешь служить в патрульных?

– Тсс, чего ты орешь, не хватало, чтобы мэтр услышал, – и Атамил оглянулся на наставника. – Он-то мне прочит великое медицинское будущее. Пойдем, вон наши уже собрались.

Новыми знакомыми оказались два человека, три гнома и еще один эльф.

С Атамилом они горячо поздоровались, а со мной вели себя подчеркнуто вежливо и слегка отстраненно, в особенности эльф. От него просто несло надменностью. Гномы, все трое, оказались братьями, старший Мирном, уже порядком заросший кудрявой бородой и владелец почти двухметровой алебарды. Его младшие братья-близнецы Граин и Траин бородами еще похвастаться не могли и были вооружены такими же гартогами, как и у меня. Парня, одетого почти в такую же броню, как и Колин, только чуть попроще, звали Мирим. На вид ну чисто деревенский увалень большой, сильный и такой добродушный. И с этой добродушностью ну

никак не вязалась устрашающего вида секира. Другой парнишка был почти вровень со мной и одет так же. Звали его Трумир, и за его спиной торчали рукояти двух мечей. Последним подошел эльф, он окинул меня презрительным взглядом, коротко кивнул и произнес, глядя поверх меня:

– Эредор.

Потом развернулся и отошел к своим вещам и больше он не проронил ни слова. Интересная компания подобралась.

Спустя примерно час ожидания я откровенно спарился, хоть еще было только утро, жара стояла уже градусов под тридцать. Тихонько подманив своего приятеля, я принялся его расспрашивать.

– Атамил, чего мы тут высиживаем-то?

– Как чего, сейчас маги выйдут, построят портал, и мы по нему попадем сразу на Дальний. А ты думал, мы пешком туда пойдем, что ли? Ха-ха.

– Вот тебе и ха-ха, это ты могучий колдун, а мы люди маленькие, все больше пешком ходим.

Тем временем, среди ожидающих на площади наметилось шевеление. Солдаты поднимались и будили своих товарищей. Гномы в который раз проверили свои пожитки, оказалось, у них даже тачки с собой имеются. Вот только они не перед собой их толкали, а цепляли сзади, рукоятками за пояс, как прицеп. Из дворца вышла группа во главе с мужичком с ослепительно-белыми волосами. Всей гурьбой они направились к каменной арке. Дед неслышно подошел ко мне сзади.

– Ну, давай прощаться. Веди себя там прилично, приказы исполняй четко и без лишних вопросов, от этого может зависеть твоя жизнь.

Обняв меня напоследок, чему я несказанно удивился, он отошел в сторонку к другим провожающим. Позади раздался сухой треск, и я обернулся. Каменная арка искрилась разрядами и брызгала синими огоньками. С двух сторон стояли помощники белоголового и тянули к арке свои руки. Сам он стоял перед аркой, ссутулившись и стискивая что-то руками перед собой. Треск усилился, и в центре арки образовался бешено вращающийся шарик. Белый маг резко раскинул руки, сказав что-то певучее, полыхнуло белым светом, и шарик кляксой растекся по всему проему арки. Пару минут ничего не происходило, потом арка звякнула, и один из помощников мага прошел в портал. Еще через минутку из марева стали выходить перебинтованные люди, некоторых несли на носилках, к ним тут же стали подбегать солдаты и помогать размещать раненых прямо на площади. Всего вынесли порядка тридцати человек.

– Стройся, – раздались команды со всех сторон, я отыскал взглядом Атамила и решил держаться его спины. Люди, гномы, эльфы выстроились в некое подобие колонны за магом.

– Вперед, шагом марш, – прозвучала команда, и отряд двинулся в арку.

Шедшие передо мной гномы-близнецы растворились в дымке телепорта. Настал и мой черед, задержав дыхание, я шагнул в портал. Я ожидал тоннеля, как показывают в фильмах, но попал будто в вату, ни звука, ни света, вдруг резкая вспышка бьет по глазам, и на меня обрушивается водопад звуков. Меня хватают под руку и орут прямо в ухо:

– Чего встал, двигай давай.

Резкий рывок в сторону, и я валюсь кубарем на землю, все плывет перед глазами.

– Андрей, вставай, ты чего? – это уже Атамил.

– Погоди, меня ослепило, плохо вижу, – жмурюсь я, пытаясь проморгаться.

– Ты что? Надо же закрывать глаза при телепортации, смотреть в тоннеле перехода опасно.

– Вот и повесили бы на арку табличку соответствующую. Ладно, уже лучше стало, сейчас все пройдет, – успокоил я его.

– Стройся, – прозвучала звонкая команда. Атамил помог мне подняться, и я, слегка пошатываясь, встал в строй самым последним. Постепенно все шуршания и ерзания стихли, и перед строем вышли три человека. Пока один проводил перекличку, другой стал прохаживаться перед строем. Прозвучала команда разойтись, но стоявшие рядом со мной скауты остались на месте, я тоже не стал дергаться. Навстречу проверяющему, чеканя шаг, вышел, как мне показалось, Колин.

– Мой капитан, докладываю, отряд общества вспоможения армии и флоту, именуемый «Разведчики Дарина», численностью девять скаутов плюс один кандидат, прибыл на сборы.

– Ага, прибыл, значит, ну что ж, давайте вас разместим.

– Лейтенант.

К майору мухой подлетел один из сопровождавших.

– Отведи их в четырнадцатые казармы, поставь на довольствие и доложи коменданту об их прибытии.

– Слушаюсь, мой капитан, – он звонко бухнул себя кулаком в середину нагрудника.

– Стройся! – завопил лейтенант, явно работая на публику.

Мы, снова выстроившись в колонну по два, направились вслед за лейтенантом в глубь форта.

Ну и понастроили тут, вроде средневековье, а размах впечатляет. По пути я вертел головой во все стороны, стараясь запомнить дорогу в этом каменном лабиринте. Казематы, переходы и ответвления, целые залы в два этажа с балконами сменялись один за другим. Стены, пол и потолок были из одного и того же темно-серого, слегка скругленного камня. Строители, как и жители, с интерьером и отделкой не особо напрягались. Лишь изредка стены украшали штандарты короля, а в остальном сплошь гладкий серый камень. Еще одно отличие от нашего средневековья было в том, что здесь, вместо чадящих факелов, использовались светящиеся матовые шары. Лейтенант без начальства расслабился и подробно разболтал все военные тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.